

15 ножевых

Автор:

[Сергей Линник](#)

15 ножевых

Сергей Линник

Алексей Викторович Вязовский

Фантастический боевик. Новая эра

Наверное, скорая – это судьба. Когда предоставляется шанс прожить жизнь еще раз, перед старым врачом почему-то снова появляется дверь с цифрами «03». И сюрпризы ожидают со всех сторон – должно быть, чтобы не соскучился. Влезть в чужую шкуру не всегда удастся легко. А время не ждет.

Алексей Вязовский, Сергей Линник

15 ножевых

© Алексей Вязовский, 2023

© Сергей Линник, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Глава 1

Нормальность – это асфальтированное шоссе.

Ехать удобно, но цветы не растут.

Ван Гог

В лифте играла приятная музыка. Такая, специально для подобных мест написанная, послушал и забыл. И пахло... м-м-м... чем-то цветочным. Я посмотрел в зеркало, охранники отвели глаза. Оно и ясно: когда у хозяев случается обострение, обслуге не позавидуешь. Может прилететь. Причем как от больных, так и от здоровых. От последних даже быстрее.

– Анатолич! – К моему уху наклонился Цыган, чернявый остроносый фельдшер нашей психиатрической бригады. – А кучеряво тут живут. Лифт в частном доме!

– Это же Рублевка, – философски пожал плечами я. – Тут и пятиэтажные дворцы не редкость.

Двери лифта распахнулись, старший охранник кивнул нам в сторону мраморного коридора. Как будто тут было куда еще идти. Ан нет. Коридор раздвоился, пошли какие-то комнаты, залы. Потеряться тут – как два пальца об... асфальт.

– А если он буйный? – Цыган все никак не успокаивался.

– Тогда мы его попытаемся уболтать. А если не получится, вы с Ефимом его по моей команде схватите и зафиксируете. Сделаем инъекцию и увезем в стационар.

– Прямо как на тренировке?

– Прямо как на тренировке.

Я посмотрел на здоровяка, что шел рядом со мной. Ефим был спокоен как танк, меланхолично жевал жвачку. Это Цыган у нас новенький, а с Ефимом мы в частной психиатрической бригаде за последние пару лет пуд соли съели. Чего только не видели. И самоубийц, и клиентов в психозе. Вспомнишь – вздрогнешь. Если с непривычки. А так – работа не хуже других.

Охранники нас завели в роскошный зал, полный зеркал и статуй, по которому, словно лев в клетке, металась женщина в шелковом халате. Ее молодость была давно в прошлом, но лицо было вылеплено пластическими хирургами буддистами. Отрезанный нос, губы-вареники, натянутые скулы.

Блондинка, заметив нас, тут же закричала пропитым хриплым голосом:

– Ну сколько вас ждать можно?! Ваденька умирает!

– Ехали со всей возможной скоростью, – дипломатично ответил я, осматриваясь.

Кричащая роскошь. Именно так можно охарактеризовать местный дизайн. И это было слегка удивительно. Последние годы рублевские жители отошли от стиля «дорохо-богато». Балправили минимализм, технологичность. А тут – золотая лепнина, какие-то огромные хрустальные люстры-пылесборники.

– Пойдемте скорее! Сыну очень-очень плохо!

Блондинка быстрым шагом повела нас в комнату Ваденьки, попутно путано рассказывая о его состоянии. Чудить он начал еще вчера вечером. Сначала ловил каких-то невидимых мух, потом разбил зеркало – заявил, что через него за ним следят.

– У специалистов наблюдались ранее? – начал я собирать информацию.

– Никогда! У нас очень здоровый мальчик!

– Почему сразу не вызвали бригаду?

– У меня был прием в «Барвиха Лакшери Вилладж», Петенька сказал, что все уладит.

Тут я напрягся.

– Что значит «уладит»? И кто такой Петенька?

– Петр Алексеевич – это мой третий муж. Он дал Ваденьке что-то, и тот успокоился.

– Что «что-то»?!

Из меня чуть не выскочил заковыристый мат. В таких случаях самолечение – это самое дерьмовое, что можно придумать. Если это острый психоз, то и обострить можно, а если веществ набрался, вообще неизвестно, как одна дрянь с другой в сочетании сработает.

Доплутали наконец-то по этим лабиринтам до пункта назначения, зашли в комнату. С первого взгляда стало понятно: тут не психиатрия, а наркология. «Мальчик» был двухметровым, здоровым амбалом с шальными глазами. Парень явно набрался какой-то синтетики выше крыши, вот ее, крышу, и смыло. Напуган, дезориентирован, зрачки расширены. Не понимает, где находится. Представляете, каково оно – каждую секунду узнавать заново, что ты не знаешь, где оказался и кто все эти люди вокруг. Или не люди. На измене пацан, сразу видно.

– Извините, как к вам обращаться? – спросил я хозяйку. А то сначала не познакомились, а потом она сразу беседу увела в сторону, момент представления друг другу пропустили. К тому же у нее бейджика с ФИО и фотографией на груди не наблюдается.

– Лариса Матвеевна! – высокомерно произнесла она. Ну да, как еще к обслуге обращаться.

– Вы выйдите, пожалуйста, Лариса Матвеевна, а я с Вадимом побеседовать попытаюсь. Опять же, осмотреть его надо.

– Вы меня что, в моем доме выгоняете? Да... – Тут она вспомнила, наверное, что мы все же не ее работники, и остаток фразы уже спокойнее выдавила из себя: – Я никуда не пойду.

Я даже плечами пожимать не стал. Оно мне надо? Пусть стоит. Жаль, конечно, что она своей задницей дверной проем перекрыла, случись чего, моим орлам обходить ее придется. Они и попытались, но куда там. С ними она и разговаривать не стала, шикнула только. Ладно, потом попрошу пустить, не

буду обострять.

Попытка побеседовать с парнем ни к чему не привела, слишком уж глубоко он погрузился в свой кошмар и на все вопросы только удивленно хлопал глазами, испуганно озираясь по сторонам.

Я оглянулся на мамашу:

- Надо в наркологию везти, он явно наелся какой-то дряни. Зрачки расширены, да и психотические симптомы...

- Дома лечите! - заявила Лариса Матвеевна. - Я вам деньги плачу.

- Деньги здесь не помогут, - отрезал я. - Дома не получится.

- Да вы что? А потом на учет поставят, пятно на всю жизнь! Только дома!

- Стационар анонимный, - спокойно объяснил я, но внутренне уже кипел. - Никто вашего Вадима ни на какой учет ставить не будет. Полежит пару дней, поставят капельницу, организм почистят от того, что там оказалось, и домой. Определят заодно, что там ему в организм случайно попало.

- Я даже не знаю, - засомневалась мамаша. - Может...

- Дома - никак, - повторил я. - Давайте, собираемся и едем. Поверьте, так лучше будет для него же. Сейчас вот давление измерим...

Я потянулся к парню, собираясь подтянуть рукав футболки вверх. Парень испуганно вздрогнул.

- Нет, я сказала! - Дамочка почему-то начала визжать. - Вызовите мне других специалистов! Только дома! Пришлют извозчиков, хрен знает что, а не врачи!

- Сейчас я позвоню, и вы поговорите с моим нача...

– Я уже сама сейчас буду звонить! Я выясню, почему мне за мои деньги коновалов прислали! – Лицо у хозяйки сильно покраснело, как бы потом не пришлось еще и ей помощь оказывать.

Она вытащила телефон, конечно же, в золотом корпусе, с гербом на задней крышке, начала тыкать ногтем в экран. Фельдшеры мои, увидев образовавшуюся щель в дверном проеме, попытались проникнуть поближе ко мне – все же клиент здесь, так что надо быть рядом на всякий случай. Но и охрана не зевала, и, решив, что происходит покушение на крепкий тыл Ларисы Матвеевны, фельдшеров оттеснили весьма грубо. Цыган даже начал возмущаться. Вот же... понаберут по объявлению... Нельзя на вызове ни с кем ругаться, даже с охранниками. Молчи в тряпочку и не высывайся. Иной раз, конечно, хочется сказать всю правду в кратком изложении, но слишком уж хороша зарплата. За такую хамство и потерпеть можно. Недолго, правда.

За всеми этими перебранками я на какую-то секунду отвлекся от главного персонажа. Как оказалось, совершенно зря. Потому что мне в поясницу, прямо в правую почку, вдруг воткнулось что-то очень неприятное и болезненное, тут же покинувшее мой организм. Но только для того, чтобы воткнуться снова. И снова. Откуда нож? Не было же рядом ничего похожего!

– Ах ты, сука! – я закричал, разворачиваясь, и тут же получил нож в бок, в грудь. Парень меня «шил», будто швея.

Время затормозилось, словно в кино. Медленно открывала рот Лариса Матвеевна, отлетал в сторону ее расфуфыренный телефон, выбитый из рук Фимой. Мой фельдшер с лицом разъяренного быка толкал в сторону хозяйку, а из-за его плеча выглядывали удивленные рожи охранников.

Десятый удар достал меня уже на полу, куда я рухнул, заливаясь кровью. Ефиму, самому ближайшему ко мне, оставалось меньше шага, а моей последней мыслью было: «Как же быстро он бьет, гаденыш...»

Умер я после пятнадцатого удара.

* * *

Первый раз я очнулся где-то в приемнике. Как узнал? Так я в приемных отделениях суммарно чуть не четверть рабочего времени проводил. А это на годы и десятилетия умножить – ой как немало получается. Есть там в воздухе...

что-то особое. Помню только, везли на каталке и кто-то сказал: «Что ж вы, гады, творите? Как выходной, так и возите». И было со мной... что-то хреновое...

Потом – какой-то бред в голове, непонятный страх, от которого хотелось быстренько спрятаться под кровать. А там чтобы стояла маленькая кровать, под которой я бы тоже спрятался. Мне угрожали все и все. Это трудно объяснить. Это как фильм ужасов, причем самый дешевый, такой, где злодей ходит и рубит всех топором или пилой заживо ноги отрезает, только со мной такое наяву происходило. И гад этот ходил за мной с ножиком. А я, как во сне, не мог пошевелиться. Ужас накрывал меня все новыми волнами.

Подошла какая-то женщина, которая вдруг начала раздваиваться, и процесс продолжался, пока меня не окружили десятка полтора близнецов. Только я подумал про «Матрицу», как возле меня оказался стакан с водой. Я вдруг понял, что пить хочется так, что я бы и лужу вылакал. Но схватить проклятую посудину я не смог – рука трижды прошла сквозь него.

А потом я снова увидел убийцу, думал убежать, но ничего не получилось: меня схватили и как-то очень ловко и быстро привязали к кровати. Сволочина с ножом подошел к банде одинаковых теток, вдруг тоже превратился в женщину в белом халате, схватил свой нож, меня кто-то чуть перевернул на бок, и в задницу мне вонзилось что-то острое...

* * *

– ...острый галлюциноз, психомоторное возбуждение. Поступил четырнадцатого сентября в двадцать часов пятнадцать минут из общежития первого меда, Анатолий Аркадьевич. Студент, пятый курс. Кричал, что его хотят убить, пытался спрятаться под кровать, пытался ударить Бородину. Был фиксирован. Аминазина два кубика...

Женский голос у меня над головой перечислял лечение неизвестного студента. Обход, вестимо дело. Знакомиться пришли. Медсестру вдруг перебил

недовольный мужской голос:

– И почему он у вас привязан до сих пор? Вы как смену принимаете?

– Сейчас развяжем, – спокойно ответила женщина, и меня тут же освободили от вязок.

Это я уже хорошо очнулся. Вон сколько всего услышал и даже все понял. Страх почти ушел, я понимал, что что-то в организм мне попало нехорошее. Только вот голова была ватная, а спать хотелось – просто улет. Я сдерживал проваливание в сон из последних сил, хотелось понять, что со мной. Куда попал, это ясно: сумасшедший дом, место знакомое. Но почему? Мои помощнички мне чего-то укололи, и меня понесло во все тяжкие? Да не было вроде у нас в сумке ничего такого.

Но меня ведь зарезали! Мне самое место в хирургии! Меня же там должны зашивать со всех сторон! Суки, чертов аминазин, теперь бревном проваляюсь сутки, не меньше. Не привык потому что. И какое, на фиг, четырнадцатое сентября? Мы на вызов пятого октября поехали!

Ладно, попробую глаза открыть, надо посмотреть, что творится вокруг. Но меня опередили, и кто-то довольно бесцеремонно оттянул мне верхнее веко правого глаза. Какой-то мужик в шапочке древнего фасона равнодушно глянул на меня и тут же закрыл мне глаз. Не до конца, правда.

– Студент, что там стряслось? Колбасы неправильной поел? И водкой прокисшей запил? – И, не поворачивая головы, спросил у медсестры: – Что там с анализами?

– Еще не приносили, выходные же...

– Фонендоскоп мой где?

Через щелочку я увидел, как доктор встал и одернул старорежимный халат с завязочками сзади. Он что, поклонник советской власти? Или забежал сюда со съемок сериала про больничку семидесятых? И из-под халата выглядывают ворот белой нейлоновой рубашки и страхолюдного вида галстук. Сто процентов, потеет в таком раритете ужасно.

– Наверное, на посту забыли, сейчас принесу, – произнес женский голос, перед этим рассказывающий анамнез болезни неизвестного студента, и я услышал шаги, сначала удаляющиеся, потом приближающиеся.

Фонендоскоп тоже на высоте. Тут у них точно можно музей советской медицины открывать.

Заменить звукопровод бурой резиновой трубкой – это нечто.

Меня послушали, довольно бесцеремонно ворочая при этом, потом пощупали живот.

– Ну, студент, что молчишь? Стыдно, что ли? Не переживай, здесь все свои. – И шепотом добавил: – Голоса-то есть?

Заботливую, но слегка насмешливую интонацию, которая должна показать, что доктору не все равно, и вместе с тем вселить надежду, что не все так плохо, я и сам могу изображать. Только почему я студент? Я учился тогда, когда этот поклонник синтетических тканей еще учился трехбуквенное слово на заборе без ошибок писать. Хотел сказать ему пару ласковых, но язык слушаться не захотел категорически. Так что на выходе получил невнятное мычание.

– А чего это он у нас не проспался до сих пор? Сколько аминазину укололи?

– Два кубика, по истории...

– А потом еще два, чтобы спать спокойно? Точно Бородина от обиды накачала юношу. С кем мне разговаривать?

Тут я не выдержал и отрубился.

* * *

Разбудили меня для приема пищи. Кормила санитарочка, такая, знаете, классическая, явно за пятьдесят, маленькая и с сильно сморщенным лицом. Короче, в иллюстрированной энциклопедии статья «Санитарка» должна

сопровождаться именно ее фотографией, а не визжащей бабищи со шваброй наперевес. Тех просто сильнее слышно.

– Давай, миленький, поешь хоть, совсем ведь загнешься, – бормотала она свою мантру, ловко засовывая мне в рот ложку с какой-то бурдой.

Сил сопротивляться не было, и я предпочитал глотать. Только под конец замычал и даже мотнул головой. Попытался заговорить, и на этот раз получилось:

– Хватит... невкусно...

– Так это без привычки, больничная еда, – согласилась женщина. – А есть надо. Ишь, заговорил, а то девки говорили, совсем без головы. Как зовут тебя, помнишь?

– Помню... Волохов Виктор... Анатольевич...

– Что-то ты путаешь, миленький, – перебила меня санитарка. – Вот же написано: Панов Андрей Николаевич. – Она наклонилась к моему уху и быстро зашептала: – Ты не дуркуй, а то тут надолго застрянешь! Веди себя тихо, не перечь. Если что, лучше скажи «не помню», не выдумывай.

– Спасибо, – сказал я и снова уснул.

Потом была еще побудка для приема пищи, наверное, ужин. Дополнительно таблетки какие-то в рот засыпали и всадили в мою многострадальную ягодицу два укола. Надеюсь, что-то не особо тяжелое. Хотя и не должны: возбуждение было и прошло, а разговаривать с клиентом доктору надо, ибо первичный и вообще не местный. А ну как очухается и жалобы писать начнет?

Вот чем хреновый сон после аминазина, так это тем, что вроде и спишь долго и крепко, а выспаться не можешь. Только глаза закрыл, сразу отрубился. Вот и сейчас. Ведь и разбудили, и в сортир отвели, и рожу даже прополоскал. А только лег – и все. Хорошо, на обходе разбудили. Хоть палату рассмотрел. Ничего выдающегося, десять коек в два ряда, моя с краю. Наблюдательная, судя по всему. Вон, и стул для персонала. Сейчас пустой, но это ненадолго. Как обход

закончится, на пост снова кто-нибудь заступит. Потому и палата наблюдательная, что за ее клиентами должны круглосуточно бдить. Есть, конечно, нюансы, особенно в ночное время, но официально так. Воздух тяжелый, потому что до сортира не все доходят.

В отхожем месте наконец-то узрел студента, то есть себя. И тут же порадовался, что мне вкололи аминазин. Все воспринимается как через вату, ничто не парит.

Красавчик! Смерть девкам! Высокий, плечистый, волосы светло-русые, вьются, глаза серовато-голубые, на щеках ямочки – не подкопаться. Подбородок мощный, по-джеймсбондовски. Сейчас, конечно, слегка небрит, не причесан, но и это образ не сильно портит. И больничная пижама с подстреленными штанами и дыркой у воротника роли не играет. Такого хоть в мешок одень. Блин, даже зубы ровные и белые. Видел такие у людей, что оставили стоматологам не один миллион, а тут свои!

Вяло поразмышлял, как я сюда попал. А я ведь до сих пор так и не понял, что со мной стряслось. Чудо-силы закинули меня в этого симпатягу? А его куда? Тело меня слушается, даже мелкая мимика типа полуулыбки. Но как же туго доходит все! И памяти местной никакой нет. Фантастика какая-то, не иначе. Стоит поблагодарить тех, кто вмазал спасительный, как теперь мне кажется, укольчик. А то я не знаю, как бы с собой разбирался. Водки-то рядом нет. А тут без пол-литры не понять.

Санитарочке, конечно, спасибо. Не столько за советы, я таких и сам сколько угодно дать могу, сколько за то, что сказала, как студента зовут. Что тут со мной и этим Андреем Николаевичем, знать пока не знаю. И завтра, как та барышня про сбежавшего мужика, об этом не подумаешь. Надо сегодня и быстро. А на обходе помолчу, сошлюсь на общую придурковатость после укольчиков. Это сегодня. А завтра надо уже изображать полное выздоровление и быстро валить отсюда. Так что сейчас с доктором поговорю, и надо через сонливость и ватную голову узнавать про Панова все, что возможно.

* * *

Сегодня доктор Анатолий Аркадьевич был в рубаше, тоже синтетической, но для разнообразия голубого цвета. Галстук был тот же, судя по всему, купленный им лет двадцать назад и с тех пор активно использовавшийся в качестве веревки.

Ага, сарказм появился, это хороший признак. Но лучше помолчать.

– Ну, проспался, студент? – спросил он вроде и заботливо, но я же понимаю, что по барабану ему.

Первичный больной, описывать, обосновывать диагноз, думать. Короче, лишняя работа. А я что? Пришел и ушел, не сват, не брат, и даже в кармане не зашелестело. Никто, если честно.

– Голова шумит... и не помню ничего... – ответил я чистую правду.

– Зовут как, помнишь? – спросил он.

Обычное дело. Надо же выяснить, как клиент ориентируется в месте, времени и собственной личности. Место я назвал правильно, число – тоже. Если вчера было восьмое, то сегодня девятое сентября. А вот про год я промолчал. Откуда мне знать? Та же фигня и с личностью. ФИО правильно, а дату рождения и сколько лет – тут я пас.

– Извините, что-то в голове перемешалось все, не могу вспомнить. Устал... – И закрыл глаза.

Имею право. «Утомляем в беседе» – так Анатолий Аркадьевич напишет про это. Не плюс, конечно, для меня, но и минус не очень большой. Терпимо. Так что меня оставили в покое, наказав перевести в обычную палату.

* * *

Организм студента выработал достаточно адреналина, чтобы разогнать сонливость. По крайней мере до конца обхода я продержался уверенно. А потом, слегка пошатываясь, пошел на разведку. Надо узнать, где пост, познакомиться с медсестрами и, что самое главное, получить доступ к своей истории болезни. Хрена лысого мне кто даст в ней копаться, но хотя бы лицевую страницу увидеть. Ничего трудного, кроме последнего пункта.

В какой-нибудь инфекции или кардиологии чуть проще, по крайней мере теоретически это возможно, а здесь – никак. Требовать, ссылаясь на закон,

смысла нет, существуют тысячи отмазок. После выписки получишь – вот и весь разговор. Да и есть ли он тут, этот закон? Год какой, я до сих пор не знаю.

Но все замыслы разрушила столовщица. Этой достойнейшей женщине надо было идти на работу громкоговорителем. По крайней мере призывный клич «Завтрак!!!» восприняли все. Даже лежачие. Только тут я оценил, как же меня приложило, если я ее вчера не слышал. Окна ведь реально звенели. Насчет пола не уверен, может, он дрожал от проехавшего рядом трамвая.

Прием пищи – дело святое. Все быстро садятся за столы, человек по восемь с каждой стороны, снаряжаются ложками и терпеливо ждут. Меня как новичка проинструктировала медсестра. Ну а потом все быстро, как в армии. Навалили каждому в миску по половнику разваренных в молоке макарон, дали по куску сероватого хлеба с кругляшом масла, налили по кружке теплой жидкости коричневого цвета – и вперед.

Хлеб с маслом я отложил в сторону, собираясь съесть его с чаем, и, как оказалось, был в этом желании наивен. Его быстро схватил сидящий рядом шустрый дед и запихнул целиком в рот, из которого торчали два одиноких клыка.

– Опять Курочкин отличился, – вздохнула столовщица. – За такими только и следы, в один миг утащит и сожрет. Сейчас, подожди, хлеб дам. Масла нет, конечно, лишнего не дают. Ты куда?! – рявкнула она на Курочкина, который схватил мою миску и начал руками запихивать в рот макароны.

Она вытащила деда за шиворот из-за стола и, не отпуская, отвела его в сторону. Курочкина это ничуть не смутило, и он тут же начал канючить добавочку, а то его здесь совсем не кормят.

Макароны на молоке мне все же достались. И кусок хлеба тоже. Горбушка, как блатному. В качестве компенсации за деда.

Доверенные лица столовщицы быстренько собрали грязную посуду и сгрузили ее для последующего мытья, а я пошел прогуляться и все же совершить первичную разведку. Момент почти самый удобный, если в дневное время. Медсестры и санитарки все сейчас кормят лежачих. Процедура непростая, так что занимаются только этим. Пациенты в большинстве своем забились в туалет и

курят. У меня уже трое спросили сигаретку.

А вот и пост. Естественно, все убрано и закрыто. Порядок блюдут, как же. Дед Курочкин не одинок. Стащат все, просто так. Испортят и выбросят. Таблеток здесь нет, они в другом месте. Вон только из-под пустой коробки газета выглядывает. Судя по внешнему виду, довольно свежая. Заголовки вверх ногами читать неудобно, но терпимо. «Гордимся своей Родиной», «Дневник событий», «Успех латвийского театра»...

– Хотел чего?

Поворачиваюсь, вижу, стоит медсестра, на обходе была. Лет сорока, полновата, халат и колпак накрахмалены, как броня прямо. Ее и по фамилии называли. Как же? Бородина, точно! Та самая, которую я вроде ударить собирался!

– Да вот, извиниться хотел, – смущенно улыбаясь, промямлил я. – Мне сказали, что я при поступлении вас ударить хотел... Вы уж простите, не знаю, как и вышло...

– Ладно, принято, – без улыбки, но гораздо приветливее ответила она. – Работа у нас такая... – И Бородина, осмотрев меня с головы до ног, слегка тормознув взгляд посередине, хмыкнула.

– А можно газету взять почитать? – добавил я, кивая на стол. Руку не тяну, пусть почувствует себя хозяйкой положения. – Я аккуратно, потом верну.

– Бери, – милостиво разрешила она и пошла дальше по коридору.

Я потащил газету, придерживая другой рукой коробку. Прочитал последний заголовок: «Величие ленинских идей» и... «Речь Л. И. Брежнева». Посмотрел на название газеты. Издание Центрального Комитета КПСС «Советская культура». Слева от логотипа была прицеплена блямба ордена Трудового Красного Знамени, а справа – дата выпуска. Семьдесят первый номер стоил пять копеек. И прочитать его мог каждый, начиная со вторника, 2 сентября 1980 года.

Вот это, блин, сюрприз! Колотило меня знатно. Я только добрал до своей кровати, как понял, что сейчас вывернет. Спрятал газету под подушку, попросил санитарку присмотреть и рванул в сортир. Влетел ракетой, растолкал курильщиков... и меня вырвало чуть не фонтаном. Из глаз потекли слезы.

По плечу похлопал кто-то из больных:

- Ты как? Медсестру позвать?

- Не надо, - ответил я, выплевывая остатки рвоты в чашу «генуя». - Психанул просто.

- А, ну тогда ничего, это у нас тут обычное дело, - протянул незванный помощник. - Умойся, полегчает.

А я плескал в лицо холодную воду из-под крана и пытался успокоиться. Восьмидесятый год! Жил я в этом вашем Советском Союзе. Как вспомнишь, так и вздрогнешь. До восьмого класса в сортир на улицу ходил. И печное отопление. Хотя что греха таить, в институт бесплатно поступил, врачом стал. И неплохим. По нынешним временам с теми стартовыми условиями мне бы ни хрена не светило. Хотя... уже будущим. Ныне, пишут в газете, товарищ Брежнев в Алма-Ате выступает...

В тот же день меня перевели в обычную палату. Всего шесть коек, тумбочка у каждого своя, и, говорят, вечером в телевизионной передаче смотреть можно. Курорт! Сразу всех позвали на прием таблеток, но оказалось, что у меня утренних нет. И хорошо.

Познакомился с ребятами. Три шизофреника, один уже разваленный совсем, плюс органик, как раз тот, что мне в сортире помочь хотел, Веня его зовут. И для полного букета умственно отсталый Коля. С умеренной умственной отсталостью, тихий. Ну и я.... Или красавчик - я провел рукой по подбородку - был с прибабахом? Нет, не может быть, в институте уже давно бы вычислили.

Посидел, полистал газету. За пять копеек, конечно, много ждать не стоит, но вот читать явно нечего. Или это у меня от стресса? Ладно, что сидеть? Надо думать,

как выбраться. Пока пытался включить процесс мышления, всех начали выгонять на прогулку. Пациенты потянулись к выходу. Пошел и я. На улице не жара – термометр показывает двадцать градусов, но вполне комфортно. Все приятнее запашков в отделении.

Забыл, однако, что я тут не старожил и про мой статус еще ничего не известно. Медсестра Бородина постучалась в ординаторскую и спросила, приоткрыв дверь:

– Анатолий Аркадьевич, Панову на прогулку можно?

Услышав докторское «да», я тут же вклинился и получил разрешение побеседовать наедине позже.

Прогулка – это отлично! Надо голову прочищать, чтобы с доктором увереннее разговаривать. Что говорить, я знаю. И что отвечать – тоже. Но спокойствие надо, а его как раз пока нет. Вот похожу вдоль заборчика, смотришь, и устаканится в голове.

Ну, на прогулке все как обычно. Две санитарки сразу на лавочку плюхнулись, сели свое обсуждать, кто возле персонала скучковался, кто отошел смолить. А я побрел вдоль ограды. Вот тут меня и ожидал сюрприз.

К забору с наружной стороны прислонился носатый брюнет, явный уроженец Кавказа. Одет модно – в джинсах, в синей майке с принтом D.A.R.E. Ага, футболочка-то зарубежная. Drug Abuse Resistance Education – образование для противостояния злоупотреблению наркотиками. Штатовская маечка! Не делают таких в СССР!

Брюнет свистнул мне, подмигнул:

– Андрюха, наконец-то! А то эти шакалы к тебе не пускают, вроде как не положено.

– Привет, – осторожно пожал я протянутую руку.

Говорит чисто, практически без акцента. Никаких тебе «ара», «генацвале»...

– Какой-то ты странный, – сказал парень, разглядывая меня.

– А ты чего хотел? Я как очнулся, не помню ни хрена. Даже как тебя зовут. Смутно в голове вертится, что знакомы... – Мне растерянность изображать не надо. – Даже свой день рождения забыл. Говно, короче, со всех сторон.

– Вот это засада. Ну, со мной проще. Я Давид Ашхацава, мы с первого курса вместе. В общежитии на Пироговской живем.

Вот и ладно, на Малой Пироговской я бывал не раз, что там и как, примерно помню. Первый мед, длинноногие студентки... Слушая про себя нового, киваю головой.

– А что случилось со мной? – задал я самый, пожалуй, главный сейчас вопрос.

– А хрен его знает, – пожал плечами Давид. – Собрались с девчонками по поводу начала учебного года. Танцевали, выпивали, веселились. И тут вдруг ты сидишь, бледный как стенка, и начинаешь нести неизвестно что. Отбивался от всех, кричал, что кругом враги, в окно хотел выпрыгнуть. А четвертый этаж, Пан, это не шутки. Кто скорую и ментов вызывал, не знаю. Точно не я. – Он замялся. – Слушай, Андрюха, а что с работой твоей? Сообщить же надо. А то прогул будет.

– А я работаю? Где?

Сюрприз за сюрпризом. Еще с этим разбираться.

– Фельдшером ты. На скорой. Седьмая подстанция.

Забавные совпадения. Я покрутил головой, прислушиваясь к ощущениям. Тело все лучше и лучше слушалось, мышцы подрагивали – давай, прыгни на турник, сделай солнышко.

С трудом сдержал порыв. Сначала я делаю солнышко, потом снова на вязки определяют.

– Можешь позвонить на подстанцию старшему фельдшеру? – Я требовательно посмотрел в глаза Давида. – Скажи, что приболел, на неделю пусть меня из

графика вычеркнут, а я потом отработаю.

– Ты, Андрюха, главное, выписывайся, – сказал мне чуть повеселевший брюнет, – а мозги на место поставим. Зачем еще друзья нужны? – Он вдруг замолчал и нахмурился. – Стоп, а учеба? Учиться как, если все забыл?

Я изобразил работу мысли, пытаюсь умножить в уме триста сорок семь на шестнадцать.

– Вот про медицину, как ни странно, не забыл.

Надо Давида срочно отвлечь чем-то. Ага, вот...

– Слышал, кстати, анекдот?

– Какой?

– Сдает абитуриентка экзамен по биологии. Ей попадается вопрос про мужские половые органы. А девчонка – целочка, никогда их не видела. Да и билет не помнит. Садится, начинает думать, что делать, как сдавать. Толкает сидящего рядом парня: «Покажи!» Тот ей: «Обалдела?» Она ему: «Покажи! Провалюсь, так хоть представление буду иметь!» Парню делать нечего, достает, вываливает хозяйство на парту. Все охренели. А препод кричит с кафедры: «Молодой человек во втором ряду. Уберите шпору со стола!»

Давид аж согнулся от смеха.

– Во! Узнаю старого Андрюху! А то ходишь с кислой мордой...

Мы поговорили еще минут пять. Вернее, я больше слушал. Мне рассказывать пока нечего. Но я хоть узнал, откуда приехал, с кем учусь и как время провожу. По верхам, конечно, но для начала хватит. И про институтских дам узнал. Похоже, Панов считал обязанностью спариться со всеми хотя бы относительно красивыми девушками, которых встречал в своей жизни. И расставался мирно, хотя исключения случались.

Потом нас шуганула санитарка: мол, нечего тут переговоры устраивать. На прощание Давид оставил мне два здоровенных красных яблока. Привет с родины, наверное. Я их сразу есть не стал, запихнул в карманы пижамы.

* * *

Прямо с прогулки я пошел к врачу. А чего время зря терять? Основное узнал, можно выгребать.

Я постучался, дождался разрешения. Доктор сидел один, второй стол пустовал. Вернее, был завален старыми историями. В психушке как? Поступил кто, на него запрашивают из архива следы предыдущих госпитализаций. Мало ли что посмотреть придется. Чем лечили, что говорил, как вел себя. А так как у некоторых за плечами десятки поступлений, то архивные истории иной раз впору на тележке возить. Как выпишется, свежую историю сошьют в кучу – и до следующего раза.

– Слушаю, – буркнул Анатолий Аркадьевич, не отрываясь от записей.

– Да я насчет выписки... – Что тут хороводы водить, быстро выяснил и пошел.

– Какая выписка, Панов? – все еще продолжая заполнять бумаги, спросил он. – Амнезия не прошла, дезориентирован. Это я тебе как коллеге сообщаю. Чтобы понимал: никаких козней против тебя. Рано тебе уходить еще. И потом... – Анатолий Аркадьевич внимательно на меня посмотрел: – Зайди-ка, присядь. И дверь, дверь закрой.

Ситуация перестала мне нравиться. Зашел, переложил истории болезней на стол, сел.

– Панов, – доктор достал из какой-то папки пару бумажек, посмотрел на них, – ты где тарен взял?

– Таблетки от отравления ФОС?!

Мне оставалось только удивленно хлопать глазами.

- Они, они. У тебя следы тарена в анализах.

Вот откуда галлюцинации!

- Ни сном ни духом, - честно глядя в глаза Анатолию Аркадьевичу, признался я. - Отмечали начало учебного года. Была вечеринка с алкоголем...

- Личное дело у тебя чистое... - Врач задумался. - На учете ты не состоял, что не удивительно...

- Подсыпали? - Я откинулся на стуле, тот жалобно скрипнул.

- Будем выяснять. - Аркадьевич строго на меня посмотрел. - Я знаю, что сейчас стало модно у золотой молодежи травкой баловаться...

Только не это! Пятно с наркотиками - на всю жизнь. Не отмоешься потом.

- Сообщайте в милицию! - твердо произнес я. - Я чист.

* * *

С милицией мне откровенно повезло. Незадолго до обеда в палату зашла фактурная дознавательница в форменном кителе и белом халате поверх. Брюнетка лет тридцати, с томными карими глазами. Макияж тоже - вроде и не видно, но чувствуется, что старалась долго. Короче, если и не милиционерша с обложки ведомственного журнала, то где-то близко. В будущем такие будут зачитывать в телевизор всякую особо важную информацию, глядя в объектив немигающими глазами.

Представилась. Лейтенант Видных Анна Петровна. И фамилия под стать. Разглядев меня, вскочившего, Видных слегка покраснела, поправила прядь над ухом. Предложила пройти в ординаторскую, которую к нашему приходу освободили для беседы.

На стул я сел по-турецки, да еще закатал рукава пижамы. Анна Петровна устала на мои руки, вздохнула. Достала бумаги, стала, стреляя в меня

глазками, быстро заполнять. Сначала шли обычные вопросы: где родился, учился... Благо я знал ответы и дело спорилось.

Наконец дошли до главного:

- Я уже была у вас в институте. На военной кафедре пропал тарен из аптечек.
- Стал бы я его воровать, чтобы потом закинуться и отвечать на такие вопросы...
- Понимаю. - Видных пощелкала ручкой. - Панов, какие у тебя отношения с Серафимой Голубевой?

И вот что отвечать?

- Сложные.
- Мне рассказали, что ты ее недавно бросил и встречаешься с другой девушкой.
- Допустим.
- А почему тогда она была на вашей вчерашней вечеринке?
- Так мы же учимся вместе... - промямлил я.
- Андрей, ты же понимаешь, что попытка отравления - это покушение на убийство?
- От дозировки зависит...

Дознавательница улыбнулась.

- Смотри-ка... Подкованный!
- Я же на скорой подрабатываю.

- Да, это я выясняла. И там у тебя тоже сложные отношения с коллегами, правда?

Я неопределенно пожал плечами.

- Панов, в твоих же интересах мне все рассказать!

- Да не знаю я ничего! Сидели, выпивали, веселились. Ни с кем не конфликтовал. Потом почувствовал себя странно, понесло...

Изображать искренний гнев не пришлось. Я и правда ничего не знал. Все было запутано.

- Что пили?

- Водку. Девчонки - вино.

Тут меня Давид подковал. Спасибо ему.

- Не медицинский спирт?

Я рассмеялся, подвинулся ближе к Видной. Глазками в меня стреляешь? И кольца на руке нет....

- Анна Петровна, спирт - это уже давно анахронизм. Для медицинских целей используется технический вариант. Сейчас пациенты несут врачам водку, коньяк, даже хорошие вина попадают. Мартини.

- Мартини?

Видная отодвинулась, но взгляда от меня не отводила.

- Не приходилось пробовать?

- Не-ет.

– Могу угостить.

– Ты?

– Я!

– Что же... Вам на скорой такое дарят? Даже фельдшерам?

– Бывает, и перепадает. Мы же жизни спасаем!

Прозвучало пафосно, но на лейтенанта это подействовало. Она накрутила прядь волос, еще раз стрельнула в меня глазками.

– Ну, Панов, ты ходок, я смотрю!

Облом.

– На ходу подметки режешь! Мартини он меня угостит... Вот же ухарь!

– Ну, рядом с такой красивой женщиной... – Я отсел обратно, вздохнул.

– Короче так, Панов. Я с тебя подозрения не снимаю! Знаю ваши вечеринки! Приходилось уже видеть последствия. Кстати, в морге тоже!

Мы помолчали, я разглядывал потолок. Что тут можно еще сделать? Только идти в полный отказ и несознанку. Много скажешь – много дадут. Принцип известный.

– Ладно, пока к тебе больше вопросов нет. Появятся – вызову повесткой.

Ой, как страшно. Какая повестка? Дело не возбуждали, со мной только беседы проводить можно. Хотя на малограмотных студентов должно производить впечатление.

Я посмотрел исподлобья на Анну Петровну, грустно вздохнул. На этом наше общение закончилось.

* * *

Сходил на обед, попытался поесть жидкого больничного супчика с переваренным рисом и редкими вкраплениями плохо чищенной картошки. Нет, это точно не для меня. Отдал вечно голодному Курочкину. Дед долго не церемонился, выпил варево из миски и посмотрел, не поделюсь ли чем-нибудь еще? Но вот на второе было нечто съедобное. Блюдо под названием «перловый плов» оказалось даже вкусным. И мяса в нем достаточно. Так что моему молодому организму пошло за милую душу. Это когда тебе за шестьдесят, иной раз за целый день желания поесть не возникает. А в двадцать три жрать хочется постоянно.

И только после этого пошел в палату, лег на свою продавленную кровать, стараясь не думать о происхождении пятен и разводов на матрасе, и уснул, снова без сновидений.

Разбудили меня только перед ужином. Пока я дрых, умственно отсталый сосед по палате Коля стырил одно из двух яблок. Улыбаясь, он сам и сообщил мне это. Мол, вкусное яблоко, Андрюша. А что на него обижаться? Ему такие понятия, как свое и чужое, не очень доступны. Второе яблоко я вручил Вениамину. А шизофреникам ничего не досталось. Извините, ребята, вкусняшки кончились.

После ужина были таблетки и укольчик на память. А то вот так выпишешься, и вспомнить нечего. Не было уколов – как и не лечили. А капельницы народ считает, потом с гордостью рассказывают, у кого больше было. Круче только воскрешение.

Зашел в телевизионную, постоял. Старенький черно-белый телек привлек внимание огромного количества пациентов. Побольше, чем на прогулку выгнали. Наверное, только меня смущали мутное и прыгающее изображение и звук, ненамного превосходящий по качеству телефонную трубку. Народ с огромным удовольствием следил за вручением наград в Кремле и репортажем про металлургов, выполняющих плановое задание восемьдесят пятого года. Нет, ребята, спасибо, как-нибудь без меня. Пойду, книжку почитаю. Видел на тумбочке у кого-то.

Обложку и сорок первых страниц унес ветер времени. Не было в наличии. Но я сел и попытался вникнуть в текст. Получалось хреновато: мелкие буквы по-

прежнему плыли перед глазами, отчего повествование о партизанском отряде Сабурова стало почти недоступным. Значит, не судьба.

Лег на кровать и начал прикидывать, что делать дальше. Про местные реалии расскажет товарищ Ашхацава. Да и других источников информации в общаге чуть больше чем до фига. Институт? Кто один раз учился, сможет и второй. Тем более на пятом курсе. Отношение у преподав к старшекурсникам совсем не такое, как к новичкам. Деньги государство уже потратило, план выпуска специалистов выполнять надо. Так что вылететь с пятого, а тем более с шестого курса – тут надо постараться. Учебники посмотрю, освежу в памяти знания. Прорвусь, это не страшно. Самое главное – не спалиться с какими-нибудь нововведениями, которые случатся лет через двадцать-тридцать. Вот это может привлечь внимание. Совсем не нужное.

Главная сложность – родные Панова. Здесь дурачка не сыграешь, это тебе не одноклассники или приятели, с которыми на пиво ходишь. Что-то с этим делать придется. Пока кроме нейроинфекции с последующей амнезией в голову ничего не приходит. Может, так и сделаю.

* * *

За всяким умными и не очень мыслями уснул. И приснился мне первый в этом времени сон. Ничего нового, обычный скоропомощной кошмар: вроде бы диспетчер по матюгальнику зовет на вызов, я просыпаюсь, заполняю бланк – и снова ложусь спать. Я эту страшилку в разных вариациях сотни раз уже видел. Традиционно проснулся в том месте, где я пытаюсь выяснить, обслужил ли кто вызов, посмотрел по сторонам. Сходил для профилактики в сортир и лег ждать побудки.

Утром все было без перемен. Хотя нет, на завтрак пшенка была, а обход нынче не с самого утра, а после приема пищи. Я у Анатолия Аркадьевича даже спрашивать ни о чем не стал. Он меня как увидел, немного скривился, будто у него зуб заболел, сразу прошел и сказал:

– Студент, на выписку. К одиннадцати чтобы был готов.

А что я? Я – как юный пионер. Пошел искать сестру-хозяйку, требовать личные вещи. Таковые нашлись. Джинсы «Ли», слегка поношенные. Чуть широковаты внизу, но не клеш. И на том спасибо. Рубаха в синюю и красную клеточку, производства СССР. Почти чистая, легкий запах какого-то одеколona только. Ну, хоть потом не провоняла. В конце концов, свое же надеваю. Теперь – свое...

С носками товарищ Панов немного подвел. Синтетику придется выбросить, душа моя к ней не лежит. Туфли – советские, черные, чуть тяжеловаты. Блин, и шнурок порвался при обувании. Беда с этим делом. Временно завязал на узелок.

К выходу на волю готов. Расчески вот в карманах у Панова не нашлось, пришлось пальцами шевелюру в порядок приводить. И бритвой чужой я пользоваться не стал. Сейчас про гепатит С никто и не знает ничего, но это же не значит, что его нет. А до появления эффективного лечения без жесткой побочки еще времени немало пройдет, от цирроза сто раз помереть можно. Так что я лучше с легкой щетиной. Пусть пока не модно, но печень целее будет.

Вывели меня в коридор, посадили на лавочку. Жди, мол, не торопись. Доктор у себя за дверью с кем-то ругался по телефону, медсестры сновали в разные стороны. На меня внимания никто не обращал. Провел ревизию карманов, а то у хозяйки сгреб все в кучу. Единый проездной на сентябрь с белой буквой «Е» на сиреневом фоне. Хорошее дело. И нужное. До всяких «Троек» еще не один правитель помрет, люди ездят с такими. Деньги. Пятерка, две мятых рублевки, одна чуть надорвана, мелочи семьдесят три копейки. И ключ от английского замка. От общаги, наверное.

В ожидании я успел от скуки даже стенгазеты изучить. Про гепатит А и кишечные инфекции. Очень познавательно. Минут через двадцать подошла медсестра, дала справку. Ну вот, деканат может спать спокойно. Студент Панов без уважительных причин занятия не прогуливал. Я уже сворачивал ее, как вдруг с какого-то перепугу решил почитать, что же мне там написали. Нет, ну ни фига себе, вот это свинство! Не ожидал. Я сразу же ломанулся в ординаторскую.

– Что-то не так? – спросил Анатолий Аркадьевич, взглянув на мое возмущенное лицо.

– Все не так! – я положил справку на стол перед ним. – Я только не пойму, чего плохого я вам сделал? А хотел еще письма с благодарностью написать!

– Ну, и что не нравится? – Он даже очки на нос нацепил. – Печать на месте, даты правильно указаны... – И отдал справку мне.

– А диагноз? – ткнул я пальцем в бумажку. – За какие заслуги мне впаяли «Интоксикационный психоз вследствие злоупотребления наркотическими веществами»? У меня было однократное непреднамеренное употребление! Откуда родилось злоупотребление? К тому же тарен – не наркотик! Как я это, – помахал я злосчастной бумажкой, – понесу в деканат? Что там обо мне подумают? И дадут ли учиться после этого?

– Все, понял, не кипятись. – О, этот тон «поговорим с буйным посетителем» мне знаком, профессиональное исполнение. – Медсестры перепутали, переписали не то. Сейчас сбегают в канцелярию, выпишут правильную справку.

* * *

Вот ведь гады! Перепутали они! Но ничего ведь не случилось? Все решили быстро, в итоге написали правильно. Да и уверен я, что не со зла, а просто в запарке. Бывает. Это я просто на нервах так реагирую. Потому что больничка – это одно, тут время как бы остановилось, и разница между восьмидесятым годом и две тыщи двадцатым, к примеру, не очень большая. А вот воля – дело другое. Тут все другое, от одежды и цен до причесок и разговоров. Они слушают другую музыку, читают другие книги и даже думают не так. Так что лучше молчать пока и присматриваться. А также постараться не так бурно проявлять эмоции. Не высовываться, короче.

Я сошел с крыльца и потихонечку двинулся в сторону выхода с территории больницы. Добрые люди подсказали.

– Здравствуй, Андрей, – окликнул меня девичий голос из-за спины.

Ого, а это что за комитет по встрече? Маленькая, на голову ниже этого организма, с густыми, почти черными волосами и огромными голубыми глазами. Что для откровенно семитской внешности редкость. Да, красotka, ничего не скажешь. В области груди, правда, чуток до стандарта не дотянула, а так – глазу хочется остановиться и никуда не уходить. Одета в белое платье-колокольчик с широким поясом. Я посмотрел на ноги. Они были! Стройные, приятно

взглянуть. Тело дало отклик!

А Панов, то есть теперь уже я, ее знает. Очень уж по-щенячьи она на меня смотрит.

- Ты как себя чувствуешь? - Девушка заглянула мне в глаза. - Ты меня не узнаешь? Я Сима!

Теперь все ясно. Моя «отравительница». Я чуть не рассмеялся. Вот эта девчушка сыпанула мне тарена? Ни в жизни не поверю.

- Мне сказали, что у тебя галлюцинации были, провалы в памяти...

Сказали ей! Про врачебную тайну в восьмидесятых не слышали?

- Ты что здесь делаешь?

- Встретить тебя пришла, - ответила она. - Что непонятного?

- Непонятно, Серафима, как ты узнала, что меня надо встречать?

- Ничего сложного, у маминой знакомой есть знакомый, который начмед в этой больнице. Он спросил у твоего лечащего врача, когда тебя будут выписывать. И вот я здесь... - Она поставила ноги в третью позицию и слегка поклонилась. - Слушай, а ты точно все забыл?

- Не, кое-что помню, - обломал я ее. А то сейчас окажется, что я на ней жениться пообещал и обрезание сделать. Для облегчения выезда и последующей ассимиляции на ее исторической родине. - Что мы с тобой расстались, так в память врезалось, что никак оттуда не уйдет.

- Все бы тебе хиханьки, Панов, - обиженно сказала Сима. - А я к тебе не просто так пришла. Я точно знаю, кто тебя отравил!

– Правда? – делано удивился я. – Наблюдала, как злодеи сыпали мне в бокал яд из кольца, как в старинных фильмах? Перехватила записку с планами отравителей?

Серафима видеть ничего не могла. Она умотала с гулянки минут за сорок до того, как меня закружило. Это мне Давид сказал. Тут как в медицине: надо выбрать кого-нибудь одного и верить ему до конца. Лучше себе, но я как раз не вариант. Будет Ашхацава. К тому же соседу по комнате мне от меня ничего, по большому счету, не надо. Так что любой рассказ девчонки – сплошные догадки и фантазии. А мне сначала самому бы определиться, кто Панова окружает.

– Шутки у тебя, Панов, глупые, – выпалила Сима.

О, да тут слезы лить собираются! Не такой прием ожидала Голубева. Наверное, надеялась, что я сейчас брошусь ей на шею и все вернется.

– А что ты за мной ходишь, Серафима? – спросил я вкрадчиво. – Я не москвич, не богат и даже не еврей. И родственников в Америке нет. Твоя мама в курсе, что жилплощадь у меня в дальнем подподмосковье, в Орловской области? Ей такой зять нужен? Поинтересуйся.

– Да как ты смеешь так говорить!

Ну все, потекли девичьи слезы с примесью советской туши, оставляя на щеках извилистую дорожку с черным бруствером. Она молниеносно достала из сумочки платочек и попыталась очистить лицо от такой добавки в макияж. Получалось плохо.

– Да я тебе... ты же... – всхлипывая, забормотала Сима.

Что там она мне, выяснять не стал. Надо бить до конца, чтобы обиделась надолго, лучше навсегда. Не очень приятно, но что поделаешь. Такие хвосты необходимо рубить быстро. Это Давид – старый кореш, он любые странности стерпит и советом поможет. А такая вот Голубева начнет интересоваться, с чего это ее парень так сильно изменился. И к добру такие вопросы не приведут.

Да и не знаю я особенностей этой стороны жизни студента. С этим осторожнее надо быть. А то окажется, что мне нравится то, что ему не по душе было. А дамы... Нет, все с нуля. Мне объедки с чужого стола не нужны. Рубашку с носками носить – куда ни шло, а девчата – только свои.

– Больше поплачешь – меньше пописаешь, – пожал плечами я. Даже самому противно. – А парни с большим членом тебе еще встретятся.

Рыдания достигли апогея. К слезам добавились пузыри из носа. А меня это не привлекало никак. Так что я обошел Серафиму и пошел по дорожке к выходу из больницы.

– Какая же ты тварь, Панов! – закричала она мне вслед. – Видеть тебя не желаю! Уйди от меня, скотина! И член у тебя маленький! – Вот такие звуки сочинитель песен Добрынин определял как «говорить навзрыд».

Не оборачиваясь, я поднял правую руку вверх и помахал на прощание пальцами, изобразив глиссандо. Уж не знаю, видела ли этот жест Сима, но плач сразу же перешел в натуральный вой.

* * *

Вот же проклятая истеричка, настроение испортила. Хорошо хоть троллейбус подъехал, и я запрыгнул в него до того, как возжелавшая немедленного примирения Голубева смогла меня догнать. Еще и вопила что-то вслед. Нет, от этой неуравновешенной девки надо держаться подальше.

Традиционная старушка с большой сумкой, невидимый боец миллионного отряда катающихся в общественном транспорте просто так, безобразную сцену видела, а потому решила прожечь во мне дыру взглядом. Еще и заклинания под нос себе бормотала. Наверное, батарейки в лазере не поменяла, ничего у нее не получилось. Так что я спокойно вышел у метро и спустился под землю. Мне до «Спортивной».

А хорошо сейчас в Московском метрополитене имени Ильича! Ни рекламы, ни попрошаек. И ментов с рамками нет. Минимализм, имперская красота... Вагоны, правда, старорежимные, и турникеты как из музея, но это дело привычки.

Со «Спортивной» до общаги минут десять прогулочным шагом. Вот я так и передвигался. Спешить некуда, а осмотреться стоит, где тут и что. Это ведь только кажется, что здания те же. А присмотришься – вот здесь сейчас библиотека, а вон там – хлебный. Вот к таким мелочам и надо присматриваться, а то вот так товарищи отправят в твою очередь за кефиром или сосисками, а тебя понесет не в ту степь.

Вахтерша в общежитии меня признала, на мое «Здрасьте» ответила радостным «Явился, не запылился». Спасибо Давиду, рассказал подробности, и я не тыкался по углам, будто первокурсник какой. На четвертый этаж забрался без лифта. Вот и пригодился ключик, который у меня с собой был. Сосед ведь на занятиях. Это сумасшедшая Голубева (тьфу ты, вспомнится же такое) прогуливает, когда ей хочется.

Что же, самое время посмотреть, чем живет товарищ Панов. Барахло о хозяине много чего говорит. В комнате относительно чисто. Трава по углам не растет, и то плюс. А слегка смятая постель и рубашка, небрежно брошенная на спинку кровати, – мелочи, на которые не стоит обращать внимания.

На столе примерно треть батона в старом полиэтиленовом пакете, пол-литровая банка с каким-то джемом, чашка с остатками чая и скорлупа от вареного яйца в блюде. Наверное, Давид утром в институт собирался.

Судя по всему, моя кровать у окна. На ней одежда не развешана. Заглянем в тумбочку. Ого, а я Серафиму обманул немного. Невольно покривил душой. Тут лежат богатства, для Москвы восьмидесятого года невиданные. Это все равно что в двадцать втором найти под стеклом на столе бумажку с паролем от кошелька, на котором хранится сотня-другая биткоинов. Потому что обнаружить в это время легендарный, самый первый «Walkman» – вообще нереально. Синяя с серебром коробочка стоила каких-то безумных денег, и людей, у которых есть такая штука, я не знал. То есть не было даже знакомых знакомых, владевшие подобным. А тут даже чехольчик в виде книжки есть. И вторая пара наушников, чтобы слушать вместе с подругой. Не фирменных, но тоже симпатичных. Горка кассет, штук двадцать, если не больше. В основном TDK, тот самый псевдохром, вечная пленка, но есть и несколько отечественных. Коробочка с батарейками «Уран М». Куда же без них, плеер жрет как не в себя, только успевай менять.

Музыкальный вкус у парня, мягко говоря, эклектичненький. Кто в здравом уме будет записывать на одну сторону Led Zeppelin, а на другую – Демиса Руссоца? Для себя и для девиц? Ладно, с этим потом разбираться буду, не критично.

Паспорт выдан в мае семьдесят шестого, временная прописка в общежитии, предыдущее место жительства – город Орел. А я там ни разу в жизни не был, только мимо на поезде проезжал. Студенческий, штампик за пятый курс проставлен. Понятное дело, человек собирался покупать билеты на поезд за полцены, вот и озаботился. Зачетка. Главный документ студента. После почитаю, как я тут учился. Читательский, с той же фоточкой слегка испуганного выпускника средней школы. Комсомольский, профсоюзный. Сколько же всяких документов! Военника нет, но это понятно, сборы после пятого курса, лейтенант медслужбы запаса, на руки после выпуска.

Ба, да Панов и книжки читает. На нижней полке нашелся дефицитный Дюма, «Три мушкетера» и «Графиня де Монсоро». А под ними, завернутый в оберточную бумагу, Мандельштам, серия «Библиотека поэта». Больше сотни сейчас стоит, и не найти. Месяц по кабакам ходить можно, если продать. Хотя вряд ли студент был поклонником поэзии: книгу даже не открывали. Наверное, лежит стратегическим запасом. Как и макулатурные издания. Преподу за сложный зачет вручить. Книга – лучший подарок, ага. А это что? Теория вероятности? Фейнмановские лекции по физике? Ничего себе, грамотный парень!

Ну, и тут же одеколончик «Миф» от латышей. Довольно пристойный, кстати. Вот им рубашка у Панова и пропахла. Хорошо хоть не «Тройник» какой-нибудь. А бритвенные лезвия «Ленинград» – печалька. Хоть бороду отпускаяй. Даже самый затупившийся «Жиллетт» лучше. Хотя вдали есть пластиковый контейнер «Шик». Можно продолжать бриться. Сраный дефицит.

Под кроватью – чемодан с барахлом. Посмотрим, что тут припасено. Нет, определенно, Андрюша – богатый жених. И щеголь. Кроме той пары джинсов, что на мне, в чемодане лежат еще «Ливайсы». Футболки не советские, аж четыре штуки. Рубах разных кабы не пять, одна джинсовая. Свернутый черный кожаный пиджак. Он что, подпольный миллионер? Что парень с таким гардеробом делает в общежитии? Если у него или у его родителей есть деньги на все это (по советским меркам, несметные богатства), почему он не снимает квартиру?

А вот еще одна вещь, судя по всему, самая дорогая. Потому что спрятана за подкладкой чемодана. Записная книжка. Лежит вместе с конвертом, в котором три сиреневых двадцати-пятирублевки соседствуют с двумя полтинниками. Неплохая сумма, даже для Москвы. Поглубже нашлась сберкнижка. Дайте я сяду, что-то ноги меня не держат. Тысяча сто рублей. Расхода почти нет, два раза по сто пятьдесят, а приходы странные: то полтинник, то двести. Скопил за два года.

А записная книжка – тут вообще черт ногу сломит. Сотни телефонов, от просто Коль и Свет до Виктора Анисимовича из МГИМО и Вадима Феликсовича из Минторга. С такими знакомствами, конечно, можно только удивляться скромности парня, у которого всего две пары джинсов. Но кто кем Панову приходился, я не знаю. Загадочка, конечно.

А на нескольких последних страницах – похоже, список долгов. Только толку мне с него чуть. Запись «Ф 35 23 м» ни о чем не говорит. Большинство строчек, кстати, зачеркнуто. Осталось две... три... семь. Если считать число после буквы суммой долга, то Андрей ждал двести шестьдесят два рубля. Больше всех – от какого-то К, этот умудрился залететь с трех раз аж на сто тридцать карбованцев.

В замке зашевелился ключ, и я быстро спрятал бумаги куда-то вглубь залежей одежды. Нечего светить перед посторонними.

* * *

Ожидаемо это оказался Давид. Примчался с занятий. Хозяйственный, картошку принес и подсолнечное масло. Плюс хлеба половинку.

– О, выпустили тебя? – Он поставил авоську на пол и обнял меня. – С возвращением. А что это они так раздобрились?

– Да поговорил с лечащим врачом, он вошел в положение. Надо ему чего-нибудь отвезти в благодарность.

– А я, тупая башка, не догадался... – Огорчение явно не притворное. – Надо было вчера ему хоть коньяку пузырек подогнать.

– Это ерунда все. – Я проверил, хорошо ли закрыта дверь. А полы в блоке скрипучие, незаметно не подойдешь. – Давай я тебя еще немного поспрашиваю. Скажи-ка мне, с какого перепугу мы тут изображаем благородную нищету? Почему мы в общежитии пользуемся общественным унитазом и готовим жратву на зачуханной кухне, вместо того чтобы цивилизованно жить на квартире?

Это на меня произвело впечатление сумма на сберкнижке.

– Блин, а я думал, у тебя проходить эта хрень будет... – огорчился Давид. – Ты тут птица залетная. Вернее, числишься ты здесь, а живешь обычно на квартире. Сейчас ты как раз собирался искать новое жилье, а я – в общежитии, мне среди людей веселее.

Я почесал в затылке. Еще и квартиру искать...

– Ладно, в субботу поеду на разведку. А ты картошку жарить собрался, что ли? Пойдем пообедаем куда-нибудь. Отпразднуем. Только вот где Банный переулок, я помню, а где тут пожрать вкусно – нет. Так что веди.

– Мне бухать нельзя, на завтра задали много, – начал отказываться Ашхацава.

– Заболел, что ли? Просто пообедать. Супчик, мяса кусок, салатик. Запить соком или минералкой можно. Бросай свой чемодан.

– Да, что-то на тебя там сильно повлияло, – удивленно посмотрел на меня Давид. – Раньше ты в ресторан без этого дела не ходил. Но давай завтра, сегодня никак просто.

– Пойду тогда в институт схожу, я в деканат справку сдам и посмотрю на расписание.

– Удачи. До Трубецкой дорогу помнишь?

– Помню, – почему-то буркнул я и пошел.

Настроение слегка упало. Просто не надо так много думать, как встраиваться в эту жизнь и что случилось с настоящим Пановым. Слона надо есть по кусочку. Вот и буду. Сначала – в деканат, завтра – на занятия, потом – на работу. Не спеша. Тогда можно постараться не сойти с ума. Я свою прошлую жизнь просто так не могу забыть. У меня там семья была, работа, интересы, круг общения. И покой мне больше нравился, чем это круглосуточное реалити-шоу. Хоть и в молодом теле.

* * *

В деканате я сдал справку секретарю и собрался уходить. Покрасневшая девушка кокетливо поправила воротник блузки, быстро проверила.

Надо же! Помню, у нас учился один рекордсмен по продолжительности студенческой жизни. Шестнадцать лет вроде институт заканчивал. Академки, повторные курсы – весь набор. Ну и поднаторел парень в обмане деканата капитально. За все пропуска справки сдавал. Ловили его на махинациях много раз – он и в общежитии дежурил, хотя жил дома, и кровь сдавал в Ярославле. Но вот однажды он сдал справочку, что лежал в больнице дней десять. А при проверке выяснилось, что документ из гинекологии. Он ее у своего приятеля украл, который там работал. В деканате сразу на числа и печать посмотрели, а диагноз пропустили.

Я уже выходил из приемной, когда секретарша позвала:

– Панов? Вот хорошо, что я вспомнила. Тебе к декану зайти надо.

– А он у себя? – кивнул я на дверь.

– Минут через десять будет.

– Шоколадку? – Я оперся о стол.

– Давай! – Девушка мило покраснела.

– А нету!

* * *

Сел на стул тут же, открыл дипломат. С пустыми руками к начальству не ходят. Хотя пустой листик носить с собой надо, тогда сотрудник кажется занятым. Вот и я побросал сюда документы и блокнот. Интересно, чем я думал, когда брал зачетку? Она мне до зимней сессии не нужна будет.

Ну-с, студент, порази знаниями. Да, первый курс – молодчик, со всем рвением. И анатомия, и органика, и даже физика с медстатистикой – все пять. Повышенную стипендию, значит, получал, целый полтинник. И гистология, на которой все спотыкаются, тоже отлично. А вот итоговая анатомия уже четыре. И понеслось.

Все я не смотрел, только выборочно, этапы большого пути. Самые суровые экзамены. Пропедевтика – четыре. Нормальная физиология – пять. Английский – пять. Биохимия – четыре. Фарма – четыре. Патанатомия – четыре. А вот и первая тройка, по патфизо. И по уху тоже. Ну и все ленинские науки – на четыре.

Как там в анекдоте? Чукча приехал домой из Москвы и говорит: «Чукча в Москве был, чукча умным стал, все знает. Оказывается, Карл, Маркс, Фридрих, Энгельс – не четыре человека, а два, а Слава КПСС – вообще не человек».

– Здравствуйте, – услышал я голос у входа в приемную.

Поднял голову, увидел входящего, тут же вскочил. Это же декан лечфака, Бажанов. Помню, как же, суровый дядька. Хотя есть и у него слабинка небольшая. Ходили легенды.

– Здравствуйте, Николай Николаевич, – сказал я. Спокойно и без прогиба, этого он не любит.

– Ко мне? – спросил он, уже открыв свою дверь.

– Это Панов, Николай Николаевич, – напомнила секретарша.

– Через минуту зайдете, – бросил он мне. – Виктория, если с кафедры будут звонить, скажите, я к пяти постараюсь освободиться.

Я открыл дипломат. Что-то там мелькнуло такое, когда я рылся. Ага, вот она, упаковка жвачки. «Риглис», мятные. Я с этой заразой завязал, когда пришлось заменить половину зубов на фарфор, все боялся, что мосты отклеятся. И здесь начинать не буду.

– Это вам, Вика, – выдал я секретарше дефицитный презент.

– Спасибо, – ответила она, удивившись.

Только что хамовато пошутил с шоколадкой, и вдруг такой подарок. Но взяла, быстро сбросив пачечку в приоткрывшийся на мгновение ящик стола.

Декан уже ждал. Его пиджак висел на плечиках, и не в шкафу, а прямо на вешалке. А сам профессор Бажанов протирал очки какой-то бархоткой.

– Проходите, Панов, – пригласил он, правой рукой потирая переносицу, а левой, с очками, показывая на стул напротив себя.

Я сел. Не на краешек, как стеснительный первокурсник, но и не развалюсь, как хамло. Так, чтобы лопатки только касались спинки стула. Вроде и просто, но тренироваться надо. Помолчали несколько секунд. Мне инициативу проявлять и спрашивать «Что хотел?» смысла нет. Он позвал, его и слово.

– Так что там случилось, Андрей Николаевич?

Ничего себе, а ведь в бумажку не заглядывал. Зубр!

– Где? – включил я дурачка. Для начала немного полезно.

– В общежитии. С вами, – терпеливо объяснил декан.

Даже бровью не шевельнул. Смотрит вроде доброжелательно.

– В воскресенье, Николай Николаевич, в общежитии случилось небольшое застолье. Ничего такого, начало учебы, – поднял я руки. – Понимаю, что немного не по правилам, но было что было. – Ага, кивнул, просто слушает, не собирается рывкнуть и прервать. – Дело молодое, помните, как у Пушкина в эпиграфе к

«Онегину»: «и жить торопится, и чувствовать спешит».

- Это Вяземского стихи, - перебил меня декан.

Сработало. Мужик обожает наше все до офигения.

- Я знаю, - согласился я. - Но эпитафия к месту.

- Пушкина любите? - осторожно, будто рыбак поклевку ведет, спросил он.

- Люблю. Не специалист, конечно, всего наизусть не прочитаю, но многое помню.

- И какое же любимое? - не очень доверчиво поинтересовался он.

Есть легенда, что вот так спалился студент у него на экзамене. Заявил, что прямо фанат поэта, а на просьбу почитать что-то начал про лукоморье и сбился почти сразу. Смешная история. Но я не из таких. У меня внук в гимназии Пушкина учил. И я с ним, как же без деда.

- «Сеятель», наверное, - чуть помолчав, выдал я.

- Ну, давайте, - чуть удивленно и нетерпеливо, будто предвкушая что-то, скомандовал он.

- Свободы сеятель пустынный... - начал я вполне бодро, и он чуть прикрыл глаза и повторял беззвучно за мной, шевеля губами.

А я декламировал первую строфу и отчетливо понимал, что от второй я помню только первую строчку - «Паситесь, мирные народы!». А закончить чтение такого стихотворения посередине, скомкав его фразой «ну и так далее», нельзя. К счастью, Николай Николаевич остановил меня почти на финише, на «но потерял я только время».

- Хватит, Панов, спасибо. Потерял время, да... Только не говорите, что оперу любите, а то я заподозрю вас в корыстном умысле.

– Нет, оперу я не очень. Так, по верхам, Верди, Россини, Пуччини. Но «Волшебную флейту» до конца, боюсь, не высижу. Не говоря уж о Вагнере каком-нибудь.

Был у меня печальный опыт. Жена говорила, что я даже подхрапывать начал.

– Да, так что же было в общежитии? – улыбнувшись, вернулся к теме беседы декан.

– А то, что какая-то... нехорошая личность подсыпала мне тарен, у меня на фоне острого отравления возникло помутнение рассудка, и в итоге я попал в больницу.

– Но сейчас все прошло? А то мне из милиции звонят, интересуются.

– Не все, Николай Николаевич. Теперь мне нужна реабилитация, и довольно длительная.

– То есть в колхоз с младшими курсами не поедете?

– И рад бы, но не смогу, Николай Николаевич, – пожал я плечами.

– Ладно, скажите Виктории, чтобы внесла вас в приказ. Справку?..

– Сдал, – кивнул я вставая.

– Ну идите.

Выходя, я услышал, как он повторил вполголоса:

– Но потерял я только время, благие мысли и труды.

Жизнь решила знакомить с окружением студента быстро и интенсивно. Не успел я выйти на улицу, как, чуть взвигнув от резковатой остановки, возле меня тормознула белая «шестерка».

– Андрюша, привет, куда ты пропал? – выбираясь с водительского сиденья, закричала какая-то красотка.

Что делать? Улыбаюсь от уха до уха и иду навстречу. Похоже, специальные навыки парковки для навороченных тачек имеют давние традиции. Девушка мало того что чуть не заехала на тротуар, так еще и дверцу оставила открытой.

А знакомая у Панова о-го-го. Приметная. Блондинка, высокая, стройная, ноги, что называется, от ушей. И короткое белое платье в тон «шестерке» дает возможность всем желающим нижние конечности оценить во всех подробностях. Ну разве что верхние сантиметры десять скрыты от посторонних взглядов. А уж грудь... весьма выдающаяся, кабы не четверочка. Взор приковывает не меньше, чем ноги. Я заглянул в вырез – пропал на целый день. Потом вылез, перекурил и еще разок нырнул... Эх, хороша молодость!

– Привет, – отвечаю я ей и обнимаю. Ненадолго, в щечку чмокнуть, но столкновение ее бюста с моей грудной клеткой продолжает приводить отдельные части организма в восторг.

Поцелуй в щечку девушка быстро переводит в настоящий. В губы. Ой... Я с трудом отстраняюсь. Иначе все, пропал.

– Ты почему в понедельник теннис пропустил? – Красотка, улыбаясь, поправляет пепельный локон. – Ракетка твоя у меня в машине так и лежит. Без тебя скучно было... – Девушка капризно надула пухлые губки.

Теннис? Я, конечно, знаю такой вид спорта, но не более. Не играл никогда. Надо срочно что-то придумать.

– Слушай, засада такая... – Я попытался соорудить обиду со смущением на лице. – Отравился я тут. Не так чтобы сильно, уже иду на поправку...

Красотка хмурится, трогает мое лицо.

- А ты осунулся. Точно все прошло?

Ага. Любой похудеет на аминазине и больничной еде.

- Конечно. Врачи прописали то, се. Иду на поправку. Но недельку-другую без меня поиграй, лады?

- Хорошо. Но ты помнишь, что в эту субботу мы идем к моим родителям знакомиться?

Вот засада!

- Помню, помню. Слушай, я тут записную книжку посеял. Продиктуй еще разок свой домашний.

- Назубок должен помнить!

Девушка улыбается, возвращается в машину за сумочкой. Там в ней начинает копаться. Как обычно бывает у женщины, ничего не находится, и красotka в раздражении вываливает содержимое на сиденье. На землю падает студенческий, и я коршуном бросаюсь подбирать.

Елизавета Николаевна Шишкина. Есть контакт!

- На, держи.

Лиза протягивает мне бумажку с семью цифрами.

- Звони, сходим куда-нибудь вечерком.

На свиданку? Да с такой роскошной красавицей? Это я завсегда!

- Конечно. Подержи пока ракетку у себя. Скоро буду в строю.

- Я тебя люблю.

Лиза быстро наклоняется ко мне, целует. Да таким голосом можно и на амбразуру посылать, никто против не будет. И что тут отвечать? Ну только по классике. Иначе не поймут.

– Я тебя тоже!

* * *

Пока я ходил в деканат, Давид так и не приступил к приготовлению пищи. Авоська с картошкой лежала на полу нетронутая.

– Не передумал еще сходить нормально поесть? – спросил я своего соседа, задумчиво изучающего потолок нашей комнаты. Естественно, лежа.

– Комсомол всегда готов! Как подумал, что эту картошку надо мыть, чистить, жарить, вся эрекция пропала. Пойдем, тут есть местечко, где кормят почти неплохо.

Мужику собраться – только проверить, не с дырками ли носки, если он планирует разуваться. Через пару минут мы уже были на улице. Пошли по Пироговской в сторону переулка Хользунова. Вернее, Ашхацава вел, а я с ним. На перекрестке возле пединститута Давид кивнул во двор.

– Помнишь, когда мы на втором курсе учились, здесь виварий разбежался? – спросил Давид. – Весело тогда было. Педагогши визжат, аж уши закладывает, военные, – он махнул рукой, показывая на здание, явно принадлежащее Минобороны, – примчались, мышей и крыс сапогами давить начали. Пока наши из вивария сообразили, что к чему, спасать уже нечего было. Нас с пар по микробам посылали трупы собирать, – мечтательно закончил он.

Я даже не ответил ничего. Во времена моей учебы этот случай явно превратился в мелкую легенду вивария, я о нем точно не слышал.

* * *

Шли долго, у меня чуть ноги не отвалились. На вопросы, скоро ли, Давид односложно отвечал: «Потерпи». Ресторанчик был почти незаметным. Из-за расположения во дворе вывеску получалось обнаружить с расстояния метров пять длиной, не больше. Я даже не ожидал такого в это время увидеть. Давид уверенно свернул к нему и открыл передо мной дверь.

– Заходи, не стесняйся. Ви бюдिति прыятна удывлыны! – В его речи впервые появился кавказский акцент, настолько нарочитый, что я невольно улыбнулся.

– Спасыба, дарагой, – ответил я и прошел внутрь.

А здесь, однако, неплохо. Чистенько, на столах скатерти белые. Пахнет чем-то мясным. Из колонок музыка тихо играет. Вот здесь я был весьма приятно удивлен. Не ожидал. Всегда думал, что Коэна у нас начали слушать после того, как Пелевин дал ему охрененную рекламу в «Чапаеве». А тут – на, в каком-то ресторане в восьмидесятых звучит песня про синий плащ.

К нам подошла официантка. Лет сорока, суровая такая, смотрит, будто мы ей по жизни должны, а она из последних сил идет нам навстречу. Но передник чистый, накрахмаленный. А накладка в волосах даже с брошечкой какой-то. Вместо кокарды, наверное.

– Что будете? – спросила она, отвернувшись куда-то в сторону.

– Суп сегодня какой посоветуете?.. – поинтересовался Давид.

– С фрикадельками... – Она вздохнула так тяжело, будто мясные шарики нарубили из ее любимой собачки.

– Две порции, – скомандовал мой товарищ. – Две котлеты по-киевски... Салатики... на ваш вкус, парочку...

Официантка кивала, соглашаясь, но с таким тяжелым выражением лица, что я всерьез начал переживать за ее душевное здоровье.

– Пить будете что? – спросила она.

– А есть морс? Или компот? – это я влез.

Похоже, я смог ее удивить. Она хмыкнула и ответила:

– Компот из сухофруктов.

– Кувшинчик принесите, пожалуйста, – попросил я. – Музыка у вас хорошая.

Буквально секунд за десять до этого песня про плащ кончилась, и музыкальную программу продолжил Тони Джо Вайт, сообщавший всем о подробностях дождливой ночи в Грузии.

– Это Ванька, паразит, – любящим голосом объяснила официантка. – Как включил с утра нудятину свою, не успокоится никак. Все нервы вымотал этим вытьем. Нет бы Пугачеву поставить. Или Ободзинского.

Пока ждали заказ, неизвестный диджей порадовал мою душу песнями Боуи и даже блюзом от Бадди Гая. Определенно, этого парня надо найти и завести с ним знакомство. Такие редкости в Союзе слушают, наверное, единицы.

А вот к дополнительному протиранию столовых приборов я, признаться, готов не был. Так что когда Давид начал тщательно тереть ложку и вилку салфеткой, я на пару секунд завис, и только потом присоединился.

В контраст приему заказа на грани хамства обед откровенно порадовал. Супчик всосался с шумом еще в пищеводе, не долетев до желудка, котлеты таяли на языке, а салатик хотелось метать в рот без перерыва на прожевывание. Даже компот вызвал слезы умиления. Вот не знаю насчет громких и пафосных мест типа «Праги» и «Националя», но здесь нас накормили просто по высшему классу.

– Давид, мне придется убить тебя, чтобы ты больше никому не выдал это место, – заявил я, откинувшись на спинку стула.

Дышать стало тяжело, по лицу тек пот. Просто царство обжираловки.

– Особо сюда не находишься – далеко от общаги, – заметил подлый абхаз. – Мы шли почти час, наверное. На транспорте от нас тоже ехать неудобно. И вечером

здесь... Могут по морде дать, короче.

Это точно восьмидесятый год? Странные места в столице, где не местным могут настучать по голове... Ладно, буду иметь в виду. Но ресторан запомнить надо обязательно. Вот даже этой тетке хамоватой рубль на чай оставить не жалко. И где этот таинственный меломан Ваня? Срочно покажите его мне!

* * *

- А почему мы на такси не поехали? - спросил я, когда мы, сытые и добрые, не спеша вышли на улицу. - Не очень ведь и дорого.

- Во-первых, надо было аппетит нагулять, - лениво ответил Давид. - А во-вторых, наши люди в булочную на такси не ездят. А что ты хотел от этого парня?

- Да музыку кое-какую записать, понравилось.

- Андрюха, может, не мое дело, но ты каким-то странным стал, - все еще расслабленно сказал мой товарищ. - Бухать перестал, музыкой заинтересовался. Одно помнишь, другое - нет. Ты этот ресторан мне первый показал. И крыс мы с тобой вместе собирали тогда, потому что в параллельных группах учились. Квартира, опять же...

- Признаюсь тебе, Давид, - сказал я, остановившись. - Только, ради бога, никому.

- Какой разговор? - Глаза Ашхацавы даже открылись шире.

- На самом деле это не я. - Надо было сказать это максимально серьезно, а то эффект не получился бы. - Пока я был в больничке, меня похитили инопланетяне для опытов, вывезли на орбиту Юпитера и вселили в мое тело другую сущность. Ты, гнусный землянин, - продолжил я замогильным голосом, - должен трепетать перед волей владыки галактики!

Вот оно, незамутненное передачками Рен?ТВ сознание! Шутка удалась на славу. Давид не смеялся, он просто ржал. На нас начали оборачиваться прохожие, одна дамочка даже заметила, что негоже так нажираться в будний день.

– Кстати, а что там насчет музыки? – спросил я, когда мой товарищ успокоился. – У меня же там плеер, кассет гора.

– Ты эту байду в карты выиграл у кого-то, – сказал Давид, – и собирался применять ее для охмурения девочек. Самому тебе что передача «В рабочий полдень», что «Пинк Флойд» – без разницы.

– Вот так и изменились музыкальные пристрастия, – только и смог сказать я в свое оправдание. – Наверное, отравы на мозги все же повлияла.

Вот это я спалился! Расслабился, песню жалостную услышал! На каждом шагу, из-за всякой мелочи подставиться можно! Молчать надо, а еще лучше вообще немым притвориться! И шутка про Юпитер – она недолговечная. Если количество странностей за короткое время превысит какую-то величину, Давид рано или поздно об этом сболтнет. Срочно, завтра же с утра поеду в Банный: хоть с переплатой, хоть как, а надо съезжать из общаги.

И кажется мне, что карточные подвиги Панова еще всплывут. Не может такого быть, чтобы при таких масштабах игры (а тот же плеер с кучей кассет рублей на пятьсот тянет, и это самый минимум) игрока просто так выпустят из виду. В такое только войти легко, а выходить иной раз ой как трудно.

* * *

Больше я никуда в этот день не пошел. Сходил в душ, весьма примитивный, переоделся в чистое. Собрал в кучу все синтетические носки Панова и бросил их в мусорку. Предложил сначала Давиду, но тот отказался. А мне они и задаром не нужны. Да и воняют после того как пройдешься в них так, что вместо химического оружия можно использовать. Зайду завтра, куплю хэбэшных. Они дешевые, их даже можно не стирать, выбрасывать по мере загрязнения. С накоплениями Панова – тем более. Не хватало еще грибок подхватить.

Кстати, оказалось, что чемоданом мое барахло не ограничено, есть дополнительно два сумаря в шкафу. Плюс учебники, взятые в библиотеке. Эти так и лежали стопкой, перевязанной бечевкой.

Потом, все потом. Завтра, завтра, не сегодня. Помню, кто так говорит, но сил моих нет. Слишком много всего наваливается. Тут одного известия, что мне предстоит встретиться с родителями хоть и красивой, но совершенно мне не знакомой девушки, хватит на парочку бессонных ночей. Так что почаевичали с Давидом – и спать.

А утром, побрившись ужасно неудобным станком и почистив зубы болгарской пастой «Поморин», начал собираться для поездки в Банный переулок. Кстати, порезался несильно, всего три раза, и теперь щеголял приклеенными к роже кусочками газеты. Не забыть бы снять перед выходом.

С личной гигиеной, конечно, тут швах совсем. Очень все упрощенно. Привыкну, ерунда. Не это главное.

Погладил свежую рубаху, напялил вчерашние джинсы и простенькие, как по мне, кроссовки «Адидас», обычные темно-синие с белыми полосками, пошел к метро. Это по земле далеко, а тут пересел на кольцо, и до «Проспекта Мира». А там поверху пешочком, совсем недалеко.

Блин, осень чувствуется, свежо, надо было что-то еще надеть. Особенно если ветерок, то продувает неслабо.

В Банный переулок в той своей жизни я попал много позже, к концу восьмидесятых только возникла нужда снимать жилье, до этого по общагам тусил. Знал просто, что есть такое место, а бывать не приходилось.

Да уж, про это я только читал. Народ ходил, неплохо иллюстрируя броуновское движение. Встречались, спрашивали, показывали друг другу ладошки, шли дальше. Делали это для того, чтобы деньги платить мимо государственного кармана. Если придерется кто, можно сказать, что собирались все делать официально, через бюро.

Постоял, посмотрел. Если я сейчас нырну в это болото, то там и утону. Шансов на то, что, бормоча целый день «однушка, недалеко от метро», поймешь удачу хотя бы с десятой попытки, было не очень много. А вон вроде и профессионалы стоят, лениво переговариваются. Понятное дело, это низовые, но мне покупать жилье не надо, пойдут и такие. Да и вряд ли они берут за свои услуги слишком много. Просто для основной массы народу двадцать-тридцать рублей, которые

надо заплатить за посредничество, – сумма серьезная, вот и лопатят они объявления в газете и шастают в толпе.

Я подошел к первому попавшемуся маклеру, мужичку лет пятидесяти в потертой вельветовой куртке и брючках, в которых он красовался еще при Хрущеве. Правильно, тут пыль в глаза пускать незачем. Скромненько, незаметно. Вся эта братия, конечно, на крючке у ментов, а некоторые и в иных конторах, но я – рыба мелкая и никому не нужная. Пусть доносят кому угодно, это их работа.

На вопрос о хорошей квартире недалеко от «Спортивной» риэлтор советской школы, хмыкнув, предложил мне трешку на Зубовском бульваре, предупредив, что из мебели там только старинный сундук на пару кубометров. Мне такое счастье и даром не надо было. Безбожно дорого, да и искать кровать со стульями мне не улыбалось.

Может, он меня за агента ментовского принимает? Так вроде одежка должна подсказать, что я не шаромыжник какой-то. Потратил еще время на то, чтобы донести до мужичка свои требования. Видимо, впечатлившись деталями моих хотелок, он понял, что ради контрольной закупки такого не пришлют. Короче, после довольно-таки коротких переговоров мы сели в старенький четырехместный «Москвич» приятного глазу бледно-оливкового окраса и помчались навстречу моему новому жилью.

* * *

Ремонтов в своей жизни я сделал немало. Особенно в молодости, когда приходилось считать каждую копейку. Так что кровь я маклеру попортил знатно. Не лентясь, заглядывал под ванную и высматривал сгнившие оконные рамы, наспех подкрашенные красочкой, чтобы не бросаться в глаза. Стучал по плитке, выискивая желаящую отвалиться, исследовал пространство под мойкой и не пропускал газовые плиты с кранами.

К чести специалиста по обмену квартир на деньги, он принимал замечания стоически, глазом не моргнув. И даже не пытался доказывать, что «это еще сто лет продержится». Первую квартиру, которая была совсем в хлам, я отмел сразу. Со второй провозился минут пятнадцать. Вздохнув, мужик повез меня на третью, которую, наверное, берег для себя.

Подарок, а не жилье. Третий этаж сталинки, потолки под три метра, с видом во двор. Одна комната заперта, с вещами хозяев, вторая – моя. Мебель имперская, но крепкая, не нынешнее дерьмо из ДСП. Кой-какая посуда, и даже утюг имеется. Холодильник «ЗИЛ», почти не гудит. И городской телефон! Заходи и живи. Так я в итоге и сделал. Съездили только к хозяину, который посмотрел на меня, хмыкнув, одобрил заезд и потребовал не учинять там громкие пьянки.

Хлопоты по коммунальным платежам и прочему неизбежному злу я даже замечать не стал.

Что межгород отключен, мне наплевать, если позвонить в Орел потребуется, талончик куплю. Есть сейчас такое.

Договорились, когда и как платить, кто может приходить. Я отдал задаток и получил ключи. Главное, что при своевременной оплате я хозяина квартиры буду видеть только раз в месяц, да и то по предварительной договоренности. А то вот так мои приятели заселились, а к ним чуть не каждый день дед повадился обедать ходить. Мне такого не надо. А главное, до метро минут десять идти, а то и меньше.

Да уж, успешно день прошел. Что занятия пропустил, не страшно. Сегодня лекция по политэкономии, на которой никого не отмечают, пара по терапии и... по психиатрии. Думаю, отработаю без особых проблем. Зато сейчас потихонечку буду выдвигаться в общагу, собирать вещички и ждать Давида для оказания помощи в переезде. Поймаю тачку и в один присест перетащим все.

Купил по дороге в кулинарии шесть котлет. Пока Давид придет, как раз сварганю его картошку со своей добавкой, пообедаем. Пока собирался, готовил обед, то да се, вышли мы с моим барахлишком в шесть вечера. Только и хватило сил застелить постель на новом месте. А кровать здесь царская, двуспальная. Подушки здоровенные, мои наволочки еле натянул. Грешно обновлять такое в одиночку.

Похоже, это не я думаю, а студент откуда-то из глубин подсознания сигналы подает. Потому что в прошлой жизни я особым гулякой не был. Как-то так повелось, что больших подвигов на этой стезе я не совершил. Как женился, так и прожил всю жизнь с одной женщиной. И не то что не возникало желаний, как писала одна неглупая дама, с другими в розовые груди грудей, но лень всегда

успевала просигналить, что за такое придется расплачиваться бесконечно разрастающейся брехней, о которой надо постоянно помнить. И я успокаивал себя мыслями, что анатомические детали у разных женщин не так уж отличаются для того, чтобы ради этого рисковать покоем.

А тут прямо звоночек звенит: давай, парень, жизнь проходит, вперед, на баррикады, ты ведь и не женат вовсе. Так что я пододвинул телефон поближе, секунду еще посомневался – и решительно набрал номер.

– Привет, Лизонька! Ты представляешь, снял квартиру, а ночевать в ней один боюсь. И жрать здесь нечего. Не знаешь, как мне помочь? Ах, на месте придется разбираться с таким тяжелым случаем? Записывай адрес...

Красавица заявила примерно часа через полтора. Просто-таки рекордные сроки для девушки. Можно сказать, она практически мчалась ко мне на всех парах. У иных девиц накрашивание губ занимает больше времени.

Я тоже не телевизор смотрел. Тем более что этого прибора в квартире и нет. Протер еще раз полы, почистил ванну найденной на кухне содой и достал из глубин чемодана импортные презервативы. Четыре штуки. Нет, ну а вдруг у молодого организма хватит сил на такое количество подходов к снаряду?

Я как раз застегивал рубашку, которую решил немного подгладить, когда продребезжал дверной звонок.

– Открыто! – крикнул я.

Жаль, конечно, что сейчас службы доставки цветов нет. Даже свечек не нашлось, чтобы устроить романтическую атмосферу. Но надо предусматривать такие вещи на будущее. Нет, это точно студент пробивается, я бы про такую фигню не думал. Еще лепестки роз в ванную предложил бы, засранец. Лучше бы с более ценными сведениями вылез, а не с этой ерундой.

В прихожей щелкнул выключатель, и... кто-то продолжил начатый диалог, причем голос был мелкий и писклявый, вовсе не похожий на Лизаветино контральто, глубокое и сексуальное.

– ...а я сказала, пятнадцать минут – и все. Уроки еще делать надо...

Что это? Кто-то промахнулся дверью? Я снова сошел с ума? Здесь водится полтергейст?

– Эй, Панов, ты где? – это уже Лиза. – Андрюша!

Кто с ней? Сейчас и узнаю. Я вышел в прихожую и узрел мою красавицу, перед которой недовольно корчила рожицы ее немного нескладная копия. Лет в двенадцать все достоинства старшей сестры (а других гипотез у меня не было) выглядели сущим издевательством: длинные ноги казались излишне тонкими и мосластыми, высокий рост придавал угловатости. И даже большие глаза в компании с пухлыми губами смотрелись несколько карикатурно. Годика через два парни будут валиться к ее ногам штабелями, а пока она, наверное, смотрит в зеркало исключительно с чувством глубокого разочарования.

– Привет, – сказал я, улыбаясь как можно шире.

Похоже, тут пролетела птица обломинго. Хорошо, что свечек все же не нашлось.

– Ты же помнишь Инну, сестру мою? – чуть подтолкнула вперед девочку Елизавета. При этом всячески пыталась с помощью мимики показать, что она тут ни при чем и разочарована не меньше моего. – Вот, забрала по дороге с секции. Она у нас художественной гимнастикой занимается.

– Нечего было забирать, сама бы добралась, – проворчала сестрица.

– Чай пить будете? – жизнерадостно предложил я. А что еще оставалось делать? – Пойдемте на кухню, я сейчас чайник поставлю.

Глава 5

Лиха беда, как говорится, начало. Ничего еще не потеряно. Не получилось сегодня – получится завтра. Хотя и завтра тоже не выйдет ничего. Ибо я на работу. На ту самую скорую. Продолжим нарабатывать стаж. Тридцать седьмой

год. Это я про время катания по городу в прошлой жизни, не про сталинские репрессии.

С утра ходил в институт, отсидел четыре пары. Потрындели с Давидом, он хоть показал мне, кто и что в моей группе. Одно счастье: я с ними со всеми общался только по учебе. Тем более что группа практически новая, так как после четвертого курса всех перемешали. Удалось даже не заснуть на лекции по гигиене. Тоска смертная, конечно, но перетерплю.

Ну и Елизавета Николаевна загладила вину за вчерашнее. Частично, не до конца. Признаюсь, мне было очень приятно, когда мы совершенно случайно забрели в дальний закуток кафедры гигиены (умели же строить архитекторы старой школы!) и мой организм оказался прижатым к ее. Причем подруга удерживала дистанцию, держась за мою, как говорили авторы учебника по анатомии, большую ягодичную мышцу. Лиза нашептывала мне на ухо свои сожаления о внезапно возникшей на горизонте сестре и пламенные заверения в том, что мне воздастся сторицей.

Близость тела красавицы сильно мешала стройному мыслительному процессу, потому что мысли начали ожидаемо продуцироваться совсем не в голове. Но я смог все же сообщить, что сегодня мне на дежурство. А завтра – знакомство с родителями. Но если моя девушка вот прямо с утра придет и поможет мне в выборе подходящего гардероба, я против не буду.

– Андрюша, зачем ты вообще с этой скорой связался? – поинтересовалась Лиза, эротично прикусив перед этим мочку моего уха.

Подозреваю, разговор на тему работы уже не первый. И что отвечать?

– Опыта надо набираться, дорогая. Его за деньги не купить. А на «ноль три» этого добра много, всем хватает. Поработаю, посмотрю.

Ого, как же много я смог связно сказать, находясь в весьма невыгодном для трезвого взгляда на жизнь положении. Разрядка мне срочно нужна, это вне всяких сомнений. Особенно когда такая красавица прижимается всеми выпуклостями. Возникла даже мысль позвонить и отменить дежурство, но я этого не сделал. А то подруга быстро поймет, с помощью чего мной можно управлять. Сама вон и за временем следит, и за окружающей обстановкой. Вот

буквально секунду назад жалась грудью, а тут вдруг вспомнила, что перерыв кончается и нам пора идти учиться.

Похоже, не так все просто. Даже если Лиза видит свое будущее рядом со мной, то надо потихонечку начинать сопротивляться ее попыткам поудобнее усесться у меня на шее. Хотя бы вот так – делать по-своему, а не как ей хочется.

* * *

На первое для себя дежурство в этом организме я собирался ответственно. Не знаю, что там отвез студент на работу, так что будем считать, что ничего. Лучше я потом лишнее назад домой принесу.

Кружка, желательно металлическая, перочинный нож и ложка. Запасная футболка. Рабочие брюки, не синтетика. Туфли, которые, во-первых, не жалко, во-вторых, можно отмыть от попавших на них биологических жидкостей, в-третьих, удобные. Полотенце. Мыло. Зубная щетка. Ручка. А лучше две. Прямо как в тюрьму собираюсь – не верь, не бойся, не проси. Но для себя ведь стараюсь. А то случись ночью прохлада (а она точно будет, проверено), и что? Пойдешь побираться за ради бога в поисках теплой одежды?

Нашел в вещах ключик. Судя по простоте исполнения и тому, что он находился относительно на поверхности, это от шкафчика. Еще бы найти сам шкафчик, желательно так, чтобы не расспрашивать всех встречных. А то клеймо странноватого хлопчика быстро приклеят. Люди тут такие, без сантиментов.

Хорошо бы, конечно, устроиться на тридцать шестую подстанцию, которая в Институтском переулке, возле театра Советской Армии. Вот где я чувствовал бы себя как рыба в воде. Но нет, чужие там не ходят. Чтобы врачом устроиться, оттруби сначала не менее пяти лет в стационаре, да не в пограничном отделении пустырник выписывать, а на переднем крае. Фельдшером с улицы туда вообще нереально зайти. Только со стажем на линии, а еще лучше – с опытом работы с психически больными. За это ребята получали, по советским меркам, неплохие зарплаты. Все надбавки – их. Колесные, психиатрия... У специалиста со стажем до сотни процентов доходило. И это то, чего не отберешь. Эх, покатался я в бригаде с шестьдесят третьим номером... Элита, спецы! Аж гордость брала. Иногда, по праздникам. А так, если после работы, с языком на плече, то иные чувства на передний план выходили.

Вот с какого бодуна Панов устроился на седьмую подстанцию, мне неизвестно. Со «Спортивной» до «Беляево» пилить более получаса, сначала до «Юго-Западной», потом – на автобусе. Как шутили много позже, хорошую работу найти можно, плохо только, что рядом с домом не получается.

Закладываем час на дорогу, чтобы точно успеть. Лучше приехать чуть пораньше, подготовиться к смене, да хоть анекдоты с мужиками в ординаторской потравить. А то ведь можно прибежать секунда в секунду, а там уже экипаж с бланком вызова на горизонте тебя высматривает. И дальше, по закону подлости, на твои чистые штаны кто-нибудь ужин свой стремительно выбросит. Или кровью забрызгает.

Вышел из дому, когда еще семи не было. Пока добрался, пока сообразил, что с автобусной остановки не в ту степь пошел – на подстанцию без пятнадцати восемь прибыл. Здание относительно свежее, двухэтажное. Обычное дело, такого добра по спальным районам понастроили много: первый этаж – гараж с мойкой, плюс конура сестры-хозяйки, под лестницей – курилка; второй – аптека с диспетчерами у лестницы, шоферская, фельдшерские, ординаторские, а в конце коридора – кабинеты старшего врача, фельдшера, заведующего, конференц-зал, в котором пятиминутки проводят, и столовка.

Зашел к диспетчерам, отметил. Тоже ничего нового для меня: трое сидят, телефоны звонят, вызовы в микрофон бубнят. В доисторические времена, когда медиков считали людьми, матюгальников не было, а диспетчер нежно будил тех, кому на вызов. Я даже видел людей, которые это застали.

Посмотрел график на стене. Стою с какой-то докторшей по фамилии Томилина, седьмая бригада. Водитель – Харченко. Ну и ладно, мне-то какая разница? Вспомним молодость, все-таки фельдшером – не врачом. Зато карточки не писать, что плюс немалый.

Поднялся наверх, ткнулся в первую же ординаторскую, и тут мне, можно сказать, повезло.

– О, Панов, – поприветствовал меня парень лет двадцати пяти, стоящий у открытой дверцы. – Хорошо, что пришел, я тогда шкаф закрывать не буду.

Подошел, заглянул внутрь. Ну, живут тут трое, как водится. Вещи встретившего меня я заметил, а вот эти – мои. Потому что сложно натянуть на себя туфли примерно сорок седьмого размера и халат пятьдесят шестого при пятом росте. У меня все же поменьше намного. Ну, прибарахлился студент почти правильно, так, по мелочам добавить. Молодец.

– А ты что на смену не вышел во вторник? – спросил мой сосед по шкафчику. – Галя, страшная фельдшерица, с обеда бегала, замену искала. Ругалась, что поздно предупредили.

– Да приболел немного. А мучиться с больничным не стал. На одну смену – вообще не интересно. Попросил приятеля, тот позвонил, как смог.

– Саня, Авдеев! – крикнул кто-то из коридора. – Иди, чай стынет! Сколько ждать можно?

Сосед схватил из шкафчика кружку и вышел из ординаторской не прощаясь. Ну вот, вроде и познакомился. Сейчас потихонечку вращаем в коллектив. Быстренько переодеться и готовиться к смене.

Каморку дефектара я заприметил на первом этаже, у входа. Ее и не прячут никогда, иной раз бригада подъедет, лекарства возьмут – и снова на линию. А так время не теряется. Вот и мне надо сумку получить, наркотики, аппаратуру проверить. И все быстро-быстро, а то смена уже началась.

Ворчливая дамочка лет пятидесяти с крашенными хной волосами гаркнула было на новичка, но я на такое не повелся. Мало того что аптекари вроде как приближенные к старшему фельдшеру и остальным начальникам, так и всякие лекарственные проблемы, не приведи господь, если таковые возникнут, решать только с этими женщинами. Поэтому я пресек ее ворчание плиткой «Аленки». Дешево и сердито. Вроде как за знакомство.

От шоколадки хозяйка аптеки подобрела, улыбнулась даже. Наказала звать ее Светланой Григорьевной. Показала мою сумку, стоящую на стеллаже. Днем, значит, никто не ездил. Открыл, проверил. Ампулы, перевязка, спирт во флакончике, ватные шарики в пакетике из пергаментной бумаги, тонометр, термометры и даже резиновый воздуховод, ласково называемый свистком.

Аптекарьша смотрела на это дело вроде как искоса, но потом спросила:

– А ты, Панов, на скорой работал раньше? Смотрю, шустро все перебираешь, ничего не пропускаешь.

– Да какое там, Светлана Григорьевна. Я же после четвертого курса, раньше только санитаром мог. К знакомым на работу ходил, учился потихонечку.

– С каким врачом стоишь?

– Томилина. Кто такая, не знаете?

– А, молодая, после интернатуры пришла, – презрительно махнула рукой аптекарьша. – Ни рыба ни мясо. Странно, что вас вместе поставили. Надо бы разбавить экипаж кем поопытнее. Ладно, наркотики получай, в журнале расписывайся.

Мне выдали маленькую металлическую коробочку с марафетом. В таких стерилизовали иглы для инсулиновых шприцев. Внутри лежали ампула морфина, две промедолины и плюсом одинокая ампулка фентанила, завернутые в марлевую салфетку. Все целые, надписи не стерты. Хотя время сейчас и вегетарианское, за утерю максимум выговор объявят, наверное, но зачем оно мне надо? Порядок есть порядок. Вон, в сумке совершенно спокойно лежит реланиум, который в мое время списывать в трех ведомостях надо. Да здесь при желании в аптеке без рецепта можно за копейки купить натуральный наркоманский рай. Тот же эфедрин продают в фанфуриках в качестве капель в нос.

– Спасибо за помощь, – сказал я, схватив сумку. – Пойду, в машине посмотрю, что там и как.

– Куда разогнался? – удивилась аптекарьша. – Врачебная бригада, кардиограф бери. Вот, в черном чехле.

Проверил приборчик, взял про запас рулончик ленты. Только схватил все в руки, матюгальник на стене рявкнул:

– Седьмая! Томилина, Панов, Харченко, на вызов!

– Здесь подожди, покажу твою врачиху, – остановила меня аптекарша. – Если что в машине не так, заменим потом. Один хрен вам особого ничего не доверят.

Нарушенице, конечно, надо проверить кислород и шины. Но понадеемся, что и вправду не пригодится.

А Томилина эта – ничего так, рыжая, бедра крутые, не идет, а пишет. Не модель, конечно, тыл широковат для модных дефиле, но хороша! Волосы кудряшками, интересно так потряхивают при ходьбе. В джинсах, ботиночках черных, поверх халата куртка болоньевая. Пижонская, конечно, коротенькая, но смотрится интересно.

– Челюсть подбери, фельдшер, – засмеялась Светлана Григорьевна. – У нас тут девчат красивых немало, еще глаз вывихнешь. Давай, езжай. Вон, Харченко уже в машину пошел.

Томилина стояла у рафика и вертела головой во все стороны. Точно, пытается высмотреть, где Панов, который должен с ней ехать.

Подошел, представился:

– Здравствуйте, я Панов. Андрей. Куда путь держим?

Девушка с интересом посмотрела на меня, даже чуток покраснела.

– Меня зовут Елена Александровна. Здесь недалеко, давление.

А голосок слегка преувеличенно бодрый. Ну да, волк со скорой, десять тыщ вызовов. Мандражирует. Если сразу после интернатуры, то могла весь год прислоняться к чьей-нибудь широкой спине и выглядывать из-за плеча, а как оно вообще. Потому что докторам из спецбригад, да и с линии тоже, взваливать на себя практически бесплатное обучение новичков не очень улыбается. Вызовет начмед, скомандует: вот этот стажером будет. Кивнет доктор, смиряясь с неизбежным злом, и поедет дальше.

Водила нам попался живописный. Лет шестидесяти, с торчащими во все стороны какими-то пегими волосами и густым украинским акцентом. Когда первый раз рот открыл, то оттуда выглянул единственный клык, длинный и желтый. Впрочем, Мишу Харченко это не смущало ни грамма. Он тут же начал юморить и смеяться собственным шуткам.

– Ох, доктора, сейчас выдам вам историю, мне вчера кум пока рассказал, я три раза чуть не обоссался! Короче, пришел мужик к врачу, тот ему с порога: на, выпей таблетку. Не, представляешь, не спросил ничего, так сразу: на лекарство?! – Харченко захихикал. – Ну, этот выпил, сидит и спрашивает: а что, мол, за действие у лекарства? А тот ему говорит... – Тут Миша загоготал, вспоминая смешную концовку, и потом продолжил, при этом совершенно нагло подрезая троллейбус: – Сейчас узнаем! Нет, представляете, дал таблетку и не знает, от чего!

Я промолчал. В следующую субботу этому анекдоту исполняется примерно триста лет. Его знают все первокурсники. И все остальное население планеты. Вот вчера водитель Харченко стал последним землянином, которому его рассказали. Повезло нам с шофером. Будет петросянить круглосуточно.

Первый вызов и вправду был с давлением. Пока Томилина расспрашивала восьмидесятилетнего дедулю, что да как, я без всяких команд измерил артериальное, засунул клиенту термометр под мышку, посчитал пульс. Сто лет этим не занимался, всегда помощники были. А тут сам. Непривычно, но руки помнят.

– Кардиограммку делаем? – спросил я, приглашающе вжикнув «молнией» на чехле.

– Да, конечно, – чуть растерянно ответила Елена Александровна, недоверчиво косясь на прибор. Похоже, этот навык у нее не очень развит.

Прицепил электроды, вспомнив, что «каждая женщина злее черта». Это такая памятка, чтобы не забыть, какого цвета проводянку к какой конечности цеплять. Почти быстро прицепил заземление к стояку отопления. Судя по расчищенной от краски площадке, я тут далеко не первый с этим. Пощелкал переключателем, снял ЭКГ. Просто, как мычание. Одноканальный кардиограф, без всяких наворотов.

Кто хоть раз пользовался, никогда не разучится. Расписал отведения, заодно глянул, нет ли чего страшного.

Я не специалист и с умным видом про направление вектора электродвижущей силы рассуждать не смогу, но признаки катастрофы увижу. Ну, и отдал докторше, тихо добавив:

- Ничего особого.

Та с умным видом протянула ленту между пальцами, хорошо хоть не вверх ногами, и изрекла вердикт:

- Нормальная кардиограмма.

Воткнули деду в тыл дибазол с папаверином, подождали минут пятнадцать. Ага, начало снижаться потихонечку. Можно ехать.

Да тут же многоцветные шприцы! Вот эта песня пипец какая грустная. Иголки тупые и гнутые. Кстати, мытьем, обработкой и даже заточкой занимается аптекарша. Поршни, конечно, безбожно пропускают. В мышцу колоть еще куда ни шло, а вот с венами задача может превратиться в серьезный квест. Сочетание тупой иголки, толстой кожи и слабеньких извитых вен, прячущихся глубоко под кожей, – тот еще аттракцион.

Ну, и понеслось. Вызовы сыпались один за другим. Давление, «все болит», перелом предплечья, еще гипертоник. На станцию заезжали, даже чай попили. С Томиной пообщались немного, вроде ничего девчонка, без закидонов. Закончила лечфак стоматата, в разводе. Это я специально не спрашивал, сама брякнула что-то про бывшего. Москвичка, живет с родителями. Кстати, за фишку с кардиограммой спасибо сказала.

К часу ночи вроде как население начало успокаиваться, и я даже прилег подремать. Но натренированный мозг не пропустил вопль:

- Седьмая! Томилина, Панов!

Вот странное дело: других не слышишь, а свой вызов – сразу просыпаешься. Посмотрел на часы: четыре тридцать. Быстро собрался, проверил, не вывалились ли во сне наркотики из кармана, схватил чемодан – и вперед.

Возле рафика поживался Харченко. Двигатель уже завел, проснуться окончательно пытается. Вышла Томилина, на ходу засунула бланк вызова в планшет. Сели, поехали. Повод – трудно дышать. Дама, семьдесят два. Хорошо хоть у Миши анекдоты кончились на сегодня.

Приехали, дом – хрущевка без лифта, нам на третий этаж. Дверь приоткрыта. Ждут, значит. Только дошли до больной, я сразу понял: покой кончился. Дамочка, весом сильно за центнер, лежала на кровати, ее кожа стремительно приобретала цвет, который романтики называли «мертвенная бледность». Одышечка за сорок, и весьма хорошо слышные свист с бульками. Поздравляю с отеком легких.

Смотрю на свою начальницу, а она как-то немного в прострации. Первый раз, что ли? Чем тогда в интернатуре занималась? Я к ней подошел и подтолкнул к столу. Типа сядь и не мешайся. Вслед за нами в комнату протиснулись родственники, и я начал организовывать медпомощь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/linnik_serгей/15-nozhevyyh

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)